Мария Волкова
стихотворения

Издательство Петер Д. Штайн

В стихах Марии Волковой есть строгость, целомудрие, простота и ясность. Она музыкальна, у нее нет ломанья и украшательства.

Она никому не подражает и не ищет эффектов, хотя ее стих вовсе не старомоден, она очевидно прошла через символизм.

Она знает всех русских поэтов, но особенно любит, вероятно, Лермонтова, Тютчева и Баратынского.

Почти в каждом стихотворении из прочитанных мною есть великолепные запоминающиеся строки.

Для меня тоже был нов образ тайги в стихах о Сибири. Она пишет о тайге, как Тургенев о «Нескучном Саде» в Москве, и тут нам только остается согласиться принять с благодарностью.

Юрий Семенов –
Стокгольм, 1974

MARIA VOLKOVA

GEDICHTE

Herausgegeben von
Elisabeth Dobringer und Barbara Stein

Peter D. Stein Verlag
München 1991

МАРИЯ ВОЛКОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Под редакцией
Элизабет Добрингер и Барбары Штайн

Издательство Петер Д. Штайн
Мюнхен 1991

CIP-Titelaufnahme der Deutschen Bibliothek

Volkova, Marija V.:
Gedichte/Maria Volkova. Hrsg. von Elisabeth Dobringer und
Barbara Stein. – München: Stein, 1991
Parallelsacht.: Stichotvorenija. – Text russ.
ISBN 3-927788-00-7

Umschlaggestaltung: Michael Stamenkovic, München
Satzarbeiten: GRAPHOS,
Atelier für Fotosatz E. Ostermeier GmbH, München
Druck und Bindearbeiten: Hübner Druck GmbH, München

Printed in Germany 1991

ISBN 3-927788-00-7

Мария Волкова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Темная печать.

О нездешней думала отчизне,
Всё теплее любящих этот свет...
Мысли о смерти - спутница по жизни
С самых ранних помнящихся лет.

Времени приметив быстрокрылость,
- Я росла в предчувствиях утрат, -
Оттого так часто сердце билось
На совсем, совсем не детский лад.

Никому нельзя было открыться,
Да и как могла бы я сказать,
Что на любящих спокойных лицах
Темная мне видится печать!

По ночам к подушке крался ужас
И грозил двуострым лезвием. -
Чем земное перерезать хуже:
Вечностью или небытием?

И в глухом терзающем вопросе
Зрела жизнь, превратностей полна.
Не дала поздней ответа проседь,
Как не даст в конце и седина...

Первое исчезло окруженье
Вихрями трагедий сметено,
И уже совсем другие звенья
Окружают среднее звено.

Смен не будет: то, что есть, навеки
К сердцу приросло — не оторвешь!
Не текут к своим истокам реки...
Каждый год на прошлый не похож...

Всё яснее, всё резче превращенья
Тех же лиц... и страшно сознавать,
Что увижу вдруг в какой-то день я
На любимом темную печать!

Спутница, ты поотстань немного,
Не шепчи мне про нездешний край
И на эту — здешнюю — дорогу
Предо мною тени не бросай!

Мария Волкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знатокам зарубежной русской литературы Мария Волкова давно знакома, несмотря на то, что стихи ее после второй мировой войны только изредка печатались в некоторых газетах, журналах и антологиях.

Небольшие сборники ее стихов 1936 г. и 1944 г. стали уже библиографической редкостью.

Мария Вячеславовна Волкова родилась 2. (15.) октября 1902 года в семье генерала В. А. Волкова, командовавшего 7-м Сибирским казачьим полком. Мать Марии Вячеславовны происходила из старинного казачьего рода Толстовых.

Детство Мария провела в Джаркенте, недалеко от границы с Китаем, «у подножья Тянь-Шаня», как пишет она в кратком очерке о себе. В течение русско-турецкой войны семья Волковых следовала за казачьим полком отца до Ташкента и на Кавказ. Революционную смуту и гражданскую войну Волковы пережили в Омске (Сибирь).

В 1919 году Мария Вячеславовна вышла замуж за казачьего офицера Александра Эйхельбергера, сына лютеранского пастора.

После занятия Сибири красноармейцами генерал В. А. Волков застрелился. Жена его вскоре умерла от тифа. После отступления адмирала Колчака через сибирскую тайгу Александру и Марии Эйхельбергерам удалось перебраться в Литву, где они прожили 10 лет в местечке Волковиске, после чего судьба приводит их в Гейдебрух (Вост. Пруссия).

За годы скитаний в семье Эйхельбергеров родились сын Александр (1924 г.) и дочь Ольга (1935 г.).

После второй мировой войны семья Марии Вячеславовны переехала сначала в Геммингштедт (Гольштиния), а оттуда в деревню Оттерсвейер, неподалеку от Баден-Бадена. В этой деревушке супругам и пришлось провести остаток своей нелегкой кочевой жизни: Александр Эйхельбергер умер в 1972 году, Мария Вячеславовна – 7 февраля 1983 года.

По словам Марии Вячеславовны, свою жизнь в эмиграции она переносила тяжело, но еще тяжелее была духовная изоляция в провинциальной глуши, «на отшибе», невозможность общения с духовно близкими людьми, столь необходимого поэту. Только благодаря переписке с писателями, друзьями и читателями Мария Волкова сохраняла связь с людьми, близкими ей по духу.
Почти все полученные ею письма Мария Волкова сожгла.

«Ты все допетое и то, что недопето,
Предашь огню, развеешь без следа...»

(Шелест)

Сохранились только ее письма к Ильзе Фрей, подруге со времен Геммингштедта, единственному духовно близкому человеку в ее окрестности, первой читательнице многих стихотворений Волковой. Ей посвящены стихи «Встреча» и «Венок», а также подарен рукописный сборник стихов Волковой, бережно хранимый и по сей день.

Помимо хронологических и географических данных, о жизни Волковой мы узнаем из ее стихов:

«Жизнь пестрее была, чем в романе,
И причудливее чем во сне.»

(Наследство)

Эта богатая событиями жизнь с ее светлыми и горькими сторонами оживает в ее стихах.

Наряду с глубоко личными переживаниями, с чертами типично русского поэтического психологизма, в ее поэзии встречаются фольклорные и сказочные мотивы, воспоминания о родине-Сибири, о казаках.

В стихах повседневное связано с философскими проблемами нравственно-этического порядка. Дар поэта Мария Волкова считала долгом. Беспрестанно она ищет ответа на вопрос, как следует жить. Жизнь без веры для нее невозможна:

«Кто сказал, кто придумал это:
Жить без веры? – Значит без следа...».

(Якорь)

Неустанно требуется чуткое отношение к ближнему, что, может быть, исходит из ее собственной чувствительности, которую она всегда старалась скрывать:

«Спрячу глубже и боль и волненье:
над собою крепка моя власть»

(Шиповник)

Несомненно, поэзия являлась большим утешением для нее в тяжкие дни ее жизни. Стихи и житейская мудрость поэта Волковой приносят то же утешение читателям. Язык ее поэзии отличается ясностью и простотой:

«Слова, слова
Совсем обыкновенные,
Но сильные геройством простоты.»

(Мастерство)

Русский язык – все, что осталось от родины, все, что помогло в годы тяжелых испытаний. Его значение выходит далеко за пределы обычного средства коммуникации:

«Слава высотам твоим и глубинам,
Дивная русская речь!»

(Крылья)

В этом она близка всей русской поэтической традиции.

Мария Волкова несколько лет работала над составлением этого сборника. Выход его задерживался из-за болезни поэта и тщательной, самокритичной правки рукописи.

Теперь, спустя восемь лет после смерти Марии Вячеславовны, сборник выходит в своем первоначальном виде, благодаря стараниям Ильзы Фрей. Целью данного издания является попытка представить стихи Марии Волковой как можно более широкому кругу читателей.

Э. Добрингер/Б. Штайн

I

ТАК, ЗНАЧИТ – ЖИТЬ?

* * *

Давно ли чья-то воля распаляла
В земных просторах страсть к уничтоженью?
Давно ли все живое цепенело
Среди развалин, ям и пустырей?
Но вот пришла пора начать с начала
И в жизнь войти ступенька за ступенью
С оглядкой, неуверенно, несмело,
Чтоб исподволь приноровиться к ней!

Как это трудно все-таки и странно
Привыкнуть к свету после преисподней,
К дарам освободившейся свободы
И просто к позабытой тишине!
Не верится, что можно невозбранно
Загадывать не только на сегодня,
А даже на недели и на годы,
Как и другим обещанные мне...

Так, значит – жить! – Не самосохраненьем,
Но чтобы распрямилось и окрепло
В широком безопасном поднебесье
Затравленное горем естество,
Не оскорбить погибшее забвеньем,
Но, смыв следы отчаянья и пепла,
Прислушаться, как бьются крылья песни,
Чтоб вырваться из сердца моего!

1947

СУДЬБА

Кругами ветер носится со свистом,
В расщелины бросает сверху камни.
Крута моя тропа и камениста,
Но уклониться от нее нельзя мне.

Иду, иду, не чуя ног. Устала.
Мой дом давно навеки заколочен.
Скорее бы дойти до перевала –
На спуске путь покажется короче.

Дыханью тесно и дыханье громко.
Волненье глубже, явственней тревога.
Натерла плечи грубая котомка,
Хоть в ней и очень нужного немного.

Среди камней, одна, с последней силой
Должна печаль и немощь побороть я.
О, только бы душа не уступила
В борьбе с изнемогающею плотью!

1947

ВЕСЫ

Горестному другу

Непрестанной тоскою измучась,
Не ропщи, что любимое – прах:
Кем-то взвешена каждого участь
На каких-то нездешних весах!

Боль и радость кладутся на чашки.
Как? Уж это – особая стать,
Только все, что нам кажется тяжким,
Что-то с чем-то должно уравнять.

И когда сердце рвется на части,
Проклиная свое бытие,
Знай, что это – расплата за счастье,
За безбрежное счастье твое!

1947

* * *

Тяготеет заклятье от века
Над юдолью тревог и скорбей...
Человек, пожалей человека
Среди скупо отмеренных дней!

Не ходи под окном, не завидуй,
Не грози крепко сжатой рукой –
Нанести можно скоро обиду,
Да поправить ее не легко!

Что ты знаешь о сердце другого,
Что ты в нем мимоходом прочтешь?
Может ранить ненужное слово
Тяжелей, чем заржавленный нож...

1947

НЕПОНЯТНОЕ

Снова мирно, снова безопасно. –
Вот бы жить и на неполный лад,
Примирившись с памятью неясной,
С самой непонятной из утрат!

Не могу... нет сил освободиться
От тяжелых мысленных оков,
Когда гибнут, гибнут вереницы
Наяву приснившихся стихов!

Что забыть бы надо – слово в слово
Вспоминаю ночи напролет,
А до боли нужного, живого
Кто-то страшный мне не отдает...

Как связать теперь концы с концами?
Каждая попытка тяжела...
Я живу – возможно ли, что память
Умерла?

1947

ПРЯЛКА

Ни одна не сказала гадалка,
Что придет и такая пора,
И мне в руки достанется прялка
Вместо милого прежде пера.

Вот и снова бездомною стала!
Все случайно – и пища и кров.
Но полжизни бы я променяла
На живую сменяемость строф.

Суховато стучит моя прялка:
«Потрудись – заработаешь хлеб!»
Пусть живется ни шатко, ни валко –
Дух в превратностях больше окреп.

Нить выходит все тоньше и глаже,
Все размеренней бег колеса.
Коротай свое время за пряжей
Раз такая пришла полоса!

Надо молча сносить перемены,
Надо вжиться в любую беду!
И хотя сердце рвется из плена,
Я сижу и пряду... и пряду.

1947

С НАТУРЫ

Был приветлив внимательный взгляд,
Все лицо благодушьем сияло:
Предложил ей прохожий солдат
Взять за хлеб у него одеяло.

Он в дороге, должно быть, продрог
И давно на плечах нес усталость,
Но его пригласить за порог
Эта женщина не догадалась!

Одеяло забрав, принесла
Третьегоднешний хлеб двухфунтовый,
И ушел он с едой без тепла,
Не сказав ни единого слова...

1947

ПРИГЛАШЕНИЕ

У. Ф.

От скудости, забот и тесноты
Хотелось отдохнуть. Мне хорошо с тобою,
И радовалась я, что пригласила ты:
Непрошенной неловко беспокоить!

О, эта жизнь – ни воля, ни тюрьма!
Поверь, я не случайно молчалива!
В тебе же любы мне и чувства и ума
Неровные живые переливы.

Мне в твой досуг хотелось бы вплести
Свои цветы – их у меня не мало.
Я помню – с четырех и до шести
Ты подарить мне время обещала!

Как будет хорошо смотреть на полки книг,
Оттачивать в случайном споре память
И приоткрыть немного тот тайник,
Который ты скрываешь за словами!

Быть может, я прочту кой-что и между строк,
А гостью невеселую пойми ты!
– Как радовалась я, завидев твой порог!
Но ты забыла час, и дверь была закрыта...

1948

ВИНА

За свои ответит грехи
В свое время каждый из нас...
Я писала с детства стихи
И пишу их еще сейчас.

Ни признанья, ни мастерства
Не взыскую я и не жду,
Но сказавшиеся слова
С сердцем были всегда в ладу!

Были с сердцем в ладу всегда...
И мучительно знать, прозрев,
Что приблизился день суда
За нерадостный мой напев.

1949

ПАМЯТЬ

Много нам отпущено страданья,
Много терний, горестей, утрат,
И как сильно разочарованья
Временами сердце бередят!

Хорошо бы позабыть иное
В суете скользящих мимо дней,
Но с несправедливостью земною
С каждым годом справиться трудней.

Непреоборима власть былого,
Одолеть ее нам не дано!
Иногда смертельно ранит слово,
Сказанное кем-нибудь давно.

Память жестока и все припрячет,
Верный смысл поможет отыскать
В том, что понимали мы иначе
Или не хотели понимать.

Память разгадает все загадки
И, над ними насмеявшись зло,
Боль как нож вонзит до рукоятки,
Чтобы сердце кровью изошло.

1949

ОСЕНЬ

Над минувшим напрасно не плачу –
Как придется живу не спеша.
Все не то, все не так, все иначе,
Чем когда-то просила душа!

Целый день шорох листьев за дверью,
Ощущенье большой пустоты...
Но не верю, упрямо не верю,
Что дошла до последней черты!

Обнаженные руки деревьев
Манят, машут, грозят за окном.
Позади разбросались кочевья,
Впереди остановка – не дом...

Ветер чем-то берет за живое,
Оттого плечи трогает дрожь.
Что ж ты, сердце, не ищешь покоя,
Что ж ты, сердце, томишься и ждешь?

Жизнь прошла... В самом деле? Так скоро?
Вот стою у последней черты,
А за дверью настойчивый шорох...
Осень – ты?

1949

СРЕДИ РУИН

Т. Г. Питерс

Не тужи, что нет больше сил,
Отдышавшись, подняться выше –
Тихий шелест незримых крыл
Твое сердце не раз услышит!

В безысходности тупика
В преизбытке печали вязкой
Чей-то голос издалека
Подкрепит твою немощь лаской.

Изнывая на все лады,
Ты отчаиваться невправе:
От последней глухой беды
Кто-то снова тебя избавит!

Заблудившись среди руин
И мытарства деля со всеми,
Знай, что жив даже в наше время
Милосердный Самарянин!

1949

ВСТРЕЧА

И. В. Фрей

Пели птицы. Пахла трава.
Щебетали не наши дети.
Стали реже, скупей слова,
Мимолетней, чем все на свете.

Рассказать бы себя до тла,
Но на людях не много скажешь.
Я такая же, как была
Да и ты, слава Богу – та же!

Будем помнить дыханье трав,
Грустно-темную зелень елок.
Разобьется вот-вот, отпав,
Драгоценных минут осколок!

Время вечно спешит пресечь
То, за что хотим ухватиться...
О, недолгая радость встреч,
Что так долго напрасно снится!

1949

НАСЛЕДСТВО

Посиди этот вечер со мною,
А потом я тебя провожу.
Я сегодня тряхну стариною
И о прошлом тебе расскажу.

Поделиться с тобой – легче станет:
Незабытое бродит во мне.
Жизнь пестрее была, чем в романе,
И причудливее, чем во сне.

Столько редкого с самого детства –
Всяких сдвигов и странствий и встреч!
Как ни как это, милый – наследство,
Постарайся ж его уберечь!

Все, что крепко вросло в мою память,
Передам раз от разу твоей,
Это будет звеном между нами,
Между миром отцов и детей.

Ты захвачен стремительной новью,
Но на склоне житейского дня
Вспомнишь все же, быть может, с любовью
Повесть жизни моей и меня...

1950

ТЕНИ

День земным дуновеньям открыт,
Суета это – главное зло.
Ночью громче душа говорит
И все дольше от том, что прошло.

Поступь вечности ночью слышней,
Осязательней горечь утрат.
Тени близких когда-то людей,
Задевая тебя, шелестят.

Сколько света ушло в темноту,
Сколько слов онемело навек,
И какую всегда пустоту
Оставлял по себе человек!

Но не жалуйся, не прекословь,
Смертный ропот гони, как змею!
Пусть бессмертьем наполнит любовь
Благодарную память твою!

1950

ДЕРЕВО В ЦВЕТУ

Не мечтаю больше и не жду –
Просто жизни радоваться буду!
За окном моим в чужом саду
Вижу ослепительное чудо. –

Дерево весеннее в цвету
Празднует свое преображенье.
Чуешь ли, что в эту красоту
Вложено глубокое значенье?

Счастье осеняет каждый год
Эту вот раскидистую грушу –
Старая, весной она цветет
И надеждой обновляет душу.

Может быть, усталая душа,
Что от лет и бедствий омертвела,
Расцветет однажды, не спеша,
Творчеством – возвышенно и смело?

В дереве отмеченном весной
Бродят неиссякнувшие соки...
Подожди: не кончен искус твой –
Не свершились, может быть, и сроки!

1950

В ЧУЖИХ ПОЛЯХ

К неизбежной готовясь развязке,
Ценишь все и вдвойне и втройне.
Убывающей солнечной ласке
Сердце радо почти как весне.

Надо странствовать долгие годы,
Много видеть и все испытать,
Чтоб и самой неяркой природы
Затаенную прелесть понять!

Может быть, что тем лучше, чем проще –
Простота иногда глубока,
И похожий на елочку хвощик
Не презренней любого цветка!

Неказист полинялого цвета
Торфяной кочковатый ковер. –
До чего непохоже все это
На далекий ковыльный простор!

Много в жизни примет перелома,
Но не странно ль, что годы прошли,
А он тот же – простой и знакомый,
Не иной на чужбине, чем дома
Примиряющий запах земли!

1950

ПОДРУГА

Я Бедности совсем не сторонюсь,
Радушно, без обид ее приемлю!
Она давно, давно сошла на землю
С сестрой своей, которой имя Грусть.

Не затемнит она далеких звезд,
Но укротит ненужные порывы,
И почва черствая ее древнейшей нивы
Дает душе прямой и долгий рост.

Я перемен в судьбе своей не жду,
Да и с каким иным сравнится благом,
Что вот могу идти небыстрым шагом
С несильными, с негромкими в ряду!

Любовь ко мне под строгостью тая,
На всех буграх и скатах лихолетий
Ты мне была опорою на свете,
Подруга богоданная моя!

1950

ИСХОД

Уйди же, сохраняя благожелательность, как
благожелателен Тот, Кто отпускает тебя
Марк Аврелий

Не завидуй тем, кто остается,
Как бессильно злобствующий враг:
Умирать, не споря, всем придется,
Но никто, никто не знает – как!

Наше бытие – в кругу незримом.
Все равно, обширен он иль мал.
Где-то завершить его должны мы,
Возвратясь к началу всех начал.

Если же твой путь других короче,
Не скорби об этом, не жалей! –
Что такое наши дни и ночи
Перед вечной мерой всех вещей!

Ты с рожденья странствовал наощупь,
В мире бедный беспокойный гость, –
Будь добрей, уступчивей и проще,
Чтоб светлей оставшимся жилось!

Добреди, не замедляя шага,
До открытых каждому ворот
И, клонясь к земле, прими как благо
Свой исход!

1950

ГРУСТЬ

Не отгадать, не объяснить,
Когда и как она приходит.
Ее таинственная нить
В уме, и в чувстве и в природе.
Между началом и концом
Она, как будто, связь живая
И в ткани жизни серебром
И лунным светом отливает.
Она тонка, она крепка,
Ее узор красив и вечен,
Путь юноши и старика
Им одинаково отмечен.
Земное счастье перевив,
Она чем глубже, тем прочнее,
И лучший творческий порыв
Прекраснее в союзе с нею.

1951

APPASSIONATA

Нет, никто и ни в чем не виновен,
Просто жизнь доживать тяжело...
Слушай, как повествует Бетховен
В вечных звуках о том, что прошло!

Хорошо, что сидишь в уголке ты,
И лицо твое тонет в тени.
То, что было еще не допето,
Неизбежности ты подчини!

Грезит молодость вправе о счастье
Вправе ждать и блаженства и мук,
Лишь огонь запозднившейся страсти
Надо молча таить как недуг...

Вот сейчас оборвется звучанье
В пустоте, в тишине и во мгле –
Это сердце поет на прощанье
О последней любви на земле!

Нет, никто и ни чем не виновен
Перед темной, холодной судьбой!
И рыдает бессмертный Бетховен
Над собой, надо мной, над тобой...

1952

* * *

Дар Провидения – вечные сны,
Но и незнанье грядущего – дар –
Лучше не чуять с какой стороны
Ждет тебя в жизни удар!

Радуйся солнцу в своем уголке,
В страхе к несчастью себя не готовь
И не сдавайся надолго тоске
Даже когда изменяет любовь!

Все в свое время пришло и прошло.
Горькой усмешкой не порти лица
И сохрани в своем сердце тепло
Ты до конца!

1953

* * *

Снова март – неожиданный март
После долгих предчувствий погоста!
Снова ярый и буйный азарт
Пробуждений, порывов и роста!

Глубоко проникают лучи
И не только в холодную землю –
Даже сердце короче стучит,
Всем биеньям и шорохам внемля.

С тканью жизни цела еще связь,
Не бесплодна пора обновлений.
И мучительно-сладко подпасть
Под владычество силы весенней...

1953

ФИАЛКА

Возьми фиалку! Улыбнись цветку!
Порадуйся отрадою весенней!
Почувствуй сквозь недуг, почувствуй сквозь тоску,
Что не иссяк источник вдохновений!

Опять земля теплом напоена.
И будет все расти и зреть по плану!
Но осени моей не победит весна,
Не стоит прибегать к самообману.

Закон природы ясен и жесток.
Да будет так отныне и до века!
А все-таки... какой короткий срок
Дан полному цветенью человека!

Беда не в том, что все мечтанья – дым,
Но больно знать, дойдя до крайней точки,
Что сердце остается молодым
В разрушенной годами оболочке!

Нет, не весной, а осенью звучат
Стихи мои сегодня, как ни жалко...
Зачем, зачем свой теплый аромат
В предсмертный час еще струит фиалка?

1952

НА ГРАНИ

Свиваются тени,
Предвестники снов и дремот.
Оползшие камни
От времени тронула плесень.
Каких озарений
Душа еще просит и ждет,
Как будто нельзя мне
Прожить как другие – без песен?

Нахмурились кручи.
Все небо в свинцовой броне.
В зигзагах ущелий
Стоустое эхо грохочет.
Ни слов, ни созвучий…
Клубящийся хаос на дне.
Иду еле-еле
Навстречу спадающей ночи.

Над сумраком реет
Незримая тайна высот.
Жизнь где-то ютится,
Смиренно приникнув к подножью.
Душа цепенеет,
А все таки верит и ждет,
Что отблеск зарницы
Скользнет в ней минутною дрожью!

1956

В СКИТУ

От всех вдали,
Во власти одиночества
Ты станешь тише,
Вдумчивей и строже.
Не зов земли –
Библейские пророчества
В скиту услышишь
И забыть не сможешь!

Прочтешь не раз
Изъеденные древностью
В следах от свечек
Желтые страницы,
Чтобы зажглась
Душа священной ревностью,
Чтоб вещей речью
В ужасе упиться!

А в тонком сне,
Когда и тело бренное
Теряет вес
И кровь в нем замирает,
Весь мир в огне
Увидишь ты геенною
И твердь небес
Разверзнется до края...

Предсказан Гнев
Пророческими книгами,
Одной черты
Не может быть иначе!
И зазвенев
Сокрытыми веригами
Очнешься ты...
И о земле заплачешь.

1956

КУМИРЫ

Не прикасайтесь к кумирам, ибо часто
позолота остается на пальцах.

Флобер

Атомный век и дыханье пещеры!
Всюду провалы, всюду пустоты,
Песни без радости, горе без веры,
Даже кумиры без позолоты!

Кто говорит, что тем лучше – чем хуже?
Кто говорит, что иллюзий не надо?
Все разбивается, но почему же
Сердце всегда обольщениям радо?

Созданный образ – милее портрета.
Трепет горенья дороже покоя.
Верить без меры, любить без завета
Это ль не высшее счастье земное?

Все мы проходим отвесной дорогой,
Черпая мудрость, грустим у колодца.
Будь в отдаленьи, кумиров не трогай –
Золото золотом пусть остается!

1956

* * *

Есть лица бледные, есть лица яркие.
Есть отрешенность и есть полнота.
Славлю судьбу за земные подарки я –
Жизнь не без них прожита.

Песни печальные, песни любовные,
Песни на самый возвышенный строй
Живы по разному близостью кровною
С их породившей землей.

Пусть неизвестное в сумраке пенится!
Если и волны к ногам подошли,
Все-таки, все-таки я еще пленница
Очарований земли!

1957

ЛЕПЕСТКИ

Когда падает вечер на мир, на меня,
Прорастает желанье грядущего дня,
И из почвы того, что навек отошло,
Льется в корень живое тепло.

В полутьме и во тьме, в полусне и во сне
Ожидания стебель все крепче во мне,
И чрез тьму к полутьме и от сна в полусон
Пробивается к свету бутон.

Весь в росе из приснившихся только что строк
Своей чашечкой тянется к жизни цветок.
И от тонких касаний незримой руки
Опадают стихи – лепестки.

1957

ЭПОХА

Переходы к будущему строя,
Надо сбросить старые мосты!
Мудрецы, мечтатели, герои
Отступили в прошлое без боя
Под напором дельной простоты.

Ближе безвоздушные высоты,
Достижимей сумрачность глубин.
Письмена природы до иоты
Разбирает, погрузясь в расчеты,
Острый ум – пророк и властелин.

Крепок хмель земного произвола.
Стало тесно чувствовать и жить.
Временное вечность побороло,
Ни над чем не видно ореола,
Можно все разъять и разложить!

Сердцу жизнь бросает только крохи
Озарений, веры и тепла.
И вослед железной суматохе
Рвется атональный гимн эпохе,
Отменившей грань добра и зла...

1957

II

ЧТО В ПАМЯТИ ЖИВО

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

Закрыв глаза я вижу их
В угрюмых шрамах боевых
　　Таких могучих и суровых...
Их поступь звонко-тяжела,
На лбу забота залегла,
　　Но ищет взгляд просторов новых...
Силен и верен взмах руки
Прямые плечи широки,
　　Скупы слова, улыбки редки.
Вояки с ног до головы –
Они все были таковы,
　　Во тьме исчезнувшие предки!
За доблесть дел, за горечь ран
Им песен не слагал Баян:
　　Их славный путь прошел украдкой.
Лишь в старой записи порой,
Про подвиг чей-нибудь лихой
　　Расскажут сдержанно и кратко...
С равнин родного Иртыша
Все дальше, дальше, не спеша,
　　До диким станам, без дороги,
Несли победу казаки, –
И выростали городки,
　　И мрачно щерились остроги.
В забытых малых крепостцах,
Преодолевши женский страх,
　　Казачки век свой коротали.
Глубоко прятали печаль
Мужей напутствовали вдаль
　　И – не дождавшись – умирали...
У тех была прямая цель:
Искать невиданных земель,
　　Терпеть тоску полярной ночи,
Блуждать, где не был человек,
И к берегам сибирских рек
　　Влачить дощанники и кочи.

Застывших мамонтов стада
Они встречали иногда
В печальном, неживом просторе,
И колыхало смельчаков
Средь грозно наплывавших льдов
Студеное седое море...
Чутьем весенних птичьих стай
Нашли они Даурский край,
Где виноград обнялся с дубом.
И шелк амурских соболей
В подарок слали для царей
С тысячелетним «рыбьим зубом».
Был тут и медлен ход веков.
И вот руками казаков
Разрушен заговор природы.
И грудь нетронутой земли,
Что тишь с безлюдьем берегли,
Одели ласковые всходы.
Прекрасна юная страна
Глядит в грядущее она,
Но сказ времен о ней неведом.
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь в трех столетьях удалось
Моим неутомимым дедам!
Они стреляли, хмуря бровь,
В несчетных стычках лили кровь,
Они рождались, чтоб бороться,
И в строгой ревности своей
Обогатили трон царей
Безвестные землепроходцы!

Стихи о Сибири

I. ЕЕ ЧЕРТЫ

Тихонько, не для показу,
Живет в стороне – в лесу.
Не каждый пленится сразу,
Приметив ее красу.
Спокойна, не тороплива,
Что скажет – не зря, не вдруг,
Не терпит речей кичливых
И сложенных праздно рук.
В ней бойкого нет задора,
Нахмурена часто бровь.
Полюбит она не скоро
И будет таить любовь.
Но если в очах суровых
Внезапно огонь блеснет,
Любые спадут оковы,
И в сердце растает лед!
И тот, кому все постыло,
Кому в жизни места нет,
Найдет в себе снова силы,
Услышав ее привет.
Отважных, на все готовых
Улыбкой дарит она,
Ее нерушимо слово,
И дружба ее прочна.
Посулами не измучит,
Достойному все отдаст,
К просторам таким приучит,
Каких не охватит глаз!
Отшельницей и царицей
Ей век вековать в лесу...
Кто лучше в нее вглядится,
Признает ее красу,
Покинуть ее не сможет
Не волей судьбы, а сам
И сердце свое положит
Навеки к ее ногам!

II. ЛЮБОВЬ ЧУЖЕСТРАНЦА

Все мы так ли, иначе ль – странники
В этом сбившемся с толку мире...
Как-то немец, учитель ботаники,
Мне рассказал о Сибири.

Занесен был войной Великою
Он, несчастный военнопленный,
В ту страну, что считает дикою
Запад чопорный и надменный.

Хоть кого вконец изуродует
Пытка лагерного сиденья!
Он же пользовался свободою
И ходил собирать растенья.

Для чужой старался гимназии
И гербарий поднес – на диво!
Как ни странно, в те годы в Азии
Был по-своему он счастливым.

Перелески, луга медвяные
И недолгую нежность лета
Полюбил он душой двугранною –
И ученого и поэта!

Настоящее с прошлым сковано...
И с какой теплотой во взоре
Говорил мне немец взволнованно
О чудесной сибирской флоре!

И отдав свою дань ботанике,
Попрощался со мной сердечно,
Утешая, что все мы – странники,
Но ничто под луной не вечно!

III. УТРО В СТЕПИ

Моя рука в ладони загорелой.
В глазах отца счастливые лучи.
«Смотри, смотри, как степь похорошела –
Ее такой ты в сердце заключи!»

Отец и я – мы в тарантасе рядом,
Душа с душой ведет немую речь.
В мечтах и мать ушла куда-то взглядом,
Забыв, что шаль скатилась с зябких плеч.

Там впереди воспрянуло светило,
На край земли еще облокотясь,
И розовым сияньем окропило
Степь, небеса, а заодно и нас.

Ночь, уходя, рассыпала алмазы
Среди травы и в поросли ракит.
Искрится все, и кажется, что сразу
Мир, как дитя, разбужен и умыт.

Ямщик поет. Сама дорога мчится.
С улыбкой мать взглянула на отца.
Как хорошо, что степи нет границы,
А утреннему счастью нет конца!

IV. НА СОПКЕ

С этой солнцем обрызганной сопки
Изумруднее кажется гладь.
Треплет ветер, ленивый и робкий,
На глаза мне упавшую прядь.

Накалились лежачие камни.
Нежно галька хрустит под ногой.
И о чем-то поет тишина мне,
И лепечет спадающий зной.

Ни жужжанья, ни птичьего крика.
Божий мир и спокоен и прост.
Вкруг меня расползлась повилика
Сотней маленьких розовых звезд.

Богородскою травкой – тимьяном
Сладко пахнет родная земля...
Кратким счастьем, уплывшим в туманы,
Мне весна улыбнулась моя.

V. КОСТЯНИКА

Таисии Баженовой

В березовом ясном лесочке
Такая теперь благодать,
Что хочется строфы и строчки
На каждом шагу подбирать!

Пошла ведь за делом, как будто,
С зарей поднялась, как и все,
Но праздно проходят минуты,
В лесной затерявшись красе.

От солнца веселые блики
Внизу на зеленой канве,
И сколько же здесь костяники
В кудрявой, душистой траве!

На каждом листочке узорном
По капле, по две и по три
Алеет и манит задорно –
Вот только нагнись да бери!

Уж видно недаром в лесочке
Девичьи звенят голоса,
И всюду мелькают платочки,
И всюду в траве – туеса!

Тропинка извилистой змейкой
Ведет да ведет за собой.
И пахнет как терпко, так клейко
Березовой свежей листвой!

VI. СТЕПНОЙ ВЕТЕР

Летит за мной, свистит нетерпеливо,
Издалека клубами гонит пыль,
Рвет облака, коню косматит гриву
И гнет к земле нетоптанный ковыль.

Гудит в ушах торжественным напевом,
Звенит, кружась, весельем плясовой,
То всей земле грозит небесным гневом,
То вдруг сойдет на тонкий волчий вой.

Всему черед меняться непрестанно,
Но вот над ним не властны и века:
Он был в степи с ордами Чингисхана,
Он славу пел дружине Ермака!

Тебе, тебе чрез рвы десятилетий
Я шлю поклон и верности обет!
О, ветер мой, степной сибирский ветер,
Вольней тебя на целом свете нет!

VII. СТРАНА ОТЦОВ

Разве можно забвенью предать
Эту даль, эту ширь, эту гладь,
        Окаймленные лишь небесами,
Оттого, что туда нет пути,
Оттого, что душе доцвести
        Суждено за чужими стенами?

Разве можно не видеть во сне,
Как бредешь по родной целине,
        Ни косы не знававшей, ни плуга,
Где ковыль, что в былинах воспет,
Оковал с незапамятных лет
        Тело степи блестящей кольчугой?

Часто даже средь белого дня
Вдруг почудится топот коня,
        Свист лихого, как ветер, намета,
Чья-то песня до слуха дойдет,
Чей-то облик в глазах промелькнет –
        И взгрустнется, и станет работа.

Позабыв, что попало в тупик,
Сердце слышит, как шепчет тальник
        Про иное житье по-старинке,
Как в хрустальной озерной тиши,
Чуть дрожа шелестят камыши
        И, кручинясь, вздыхают кувшинки...

VIII. ЗЕЛЕНЫЙ ХРАМ

Кругом торжественно-дико.
Свет – в мягкой зеленой дымке.
Не слышно гусиного крика
С далекой уже заимки.

Синеют между ветвями
Прорезы окон сквозные,
В великом таежном храме
Свершается литургия!

Смолистое благоуханье
Струится как ладан росный.
В молитвенное молчанье
Совсем погрузились сосны.

Листвянки, согнувши локоть,
Блаженно руки воздели.
Задумался кедр глубоко.
Ушли в созерцанье ели.

В безмолвном могучем гимне
Душа вознеслась лесная. –
О, если б слова найти мне,
Чтоб вторить ему смогла я!

IX. В ТАЙГЕ ЗИМОЙ

Таежной тишине настойчиво внимай –
И вечности услышишь в ней звучанье!
Что знал ты до сих пор про этот белый край
В сверкающем морозном одеяньи?

Останови свой суматошный бег –
Здесь времени не слышно дуновенья!
Где видел ты такой безгрешный снег,
Не знавший ничьего прикосновенья?

Своим умом простора ты не мерь,
Стремясь объять бескрайность до окраин!
И будь скромней: ты только гость, а зверь –
Исконный полноправный здесь хозяин!

Вокруг тебя разбросаны тьмы тем
Задумчивых гигантов бессловесных –
И без войны довольно место всем,
И никому от близости не тесно!

Как хорошо, подпав тайге под власть,
На время стать мудрей и серцем выше!
Внимай же тишине, в молчанье углубясь
И вечности звучанье в ней услышишь!

X. ШУГА

Настороженно, чутко и угрюмо
Прислушались к тревоге берега:
Внизу средь оглушительного шума
Идет шуга!
Бурлит воды, ломает льдину льдиной,
Прозрачный пласт швыряет за пластом.
И треск, и стон и будто рев звериный
Стоит кругом.
Не духи ли из мрака преисподней
Нарушили внезапно тишину?
Быть может, целый мир еще сегодня
Пойдет ко дну?
Какие полчища схватились в рукопашной
И что за враг разит с плеча врага? –
Всю ночь во тьме грохочущей и страшной
Идет шуга...
Но вот с зарей пропало наважденье!
Остановился грозный ледоход:
Мороз сковал в единое мгновенье
Громаду вод.
И словно головы незатонувшей рати,
Куда ни глянь – бугры и бугорки,
А берег к берегу прильнул теперь в объятьи
Поверх реки!

ВЫСОТА

Это лес, не трава,
Лес, разросшийся буйно и дико!
А вверху синева, синева,
И душа, распустившись едва,
Ищет в ней,
Сквозь пронизанной златом лучей,
Очертаний Господнего лика.

Жар земли ощущает рука.
Я лежу за зеленой стеною.
Надо мной в высоте облака,
Волокнистая ткань их легка
Словно перья из крыл,
Что, за солнце задев, обронил
Ангел счастья в пути над землею.

Первозданный простор,
От которого сладко и томно!
Я гляжу на излучины гор,
И слепит детский немощный взор
Серебра,
Жемчугов и алмазов игра
На трехгранной вершине огромной.

Что такое со мной?
Что меня сотрясло и пронзило?
Порожден тишиной
Звук торжественный, звук неземной
Свой полет
Устремил выше горных высот,
Покоряя нездешнею силой.

Рвется ввысь трубный глас,
Чтоб с бескрайностью слиться небесной.
И душа в первый раз

Неизведанным чувством зажглась,
Приняла первый сдвиг
И познала в тот миг,
Что и в теле и мире ей тесно!

1949

ПОЭТ

Когда с неба сбегали последние краски,
Опускаясь в вечерний провал,
Мой отец мне рассказывать сказки
Начинал.

На широкой тахте я сидела с ногами,
Опершись на мутак.
Папиросный дымок уходил завитками
В полумрак.

И вилась вкруг меня прихотливо и смело
Чародейная речь.
Отчего я тогда этих слов не сумела
Уберечь?

Помню, знаю, что выдумки были – чудо
От начала и до конца.
И откуда брались они только, откуда
У отца?

Книжек было потом у меня немало,
Сказки разных народов я прочла,
Но отцовских сказок как ни искала –
Не нашла.

Не могла, не могла я понять, в чем дело
И в беспечности детских лет
Не заметила, проглядела,
Что со мной был поэт!

1949

ГОЛОС

Ощущенье сладкого покоя,
Безопасности и теплоты
Каждый раз овладевало мною
Если надо мной склонялась ты.

Кто мне был тогда тебя дороже,
Ближе и понятней и родней?
Думалось, ничто грозить не может
Под защитой ласковой твоей.

Слов твоих давно уже не помню,
Только голос все звучит, звучит...
И от милых глаз твоих светло мне
В самой темной горестной ночи...

Мы с тобой недолго были вместе,
Но живу еще твоим теплом,
Хоть меня никто не перекрестит
Так, как ты, бывало, перед сном...

1949

ФАМИЛЬНОЕ КОЛЬЦО

I

Драгоценные тянутся нити
Ко мне из забвенья,
Обволокшего прежный мир...
– В час особых наитий
Создал это стихотворенье
Какой-то поэт – ювелир.

Вколдовал вещей силой таланта
Заклатие рока
В инкрустаций свои завитки.
Две слезы – два чудесных брильянта –
Затопили синее око
Безвыходностью тоски.

С судьбами бывших владелиц
Связали меня узы крови
И вот – золотое звено!
Эти женщины жили, горели,
Были крепки в раз данном слове
И стали прахом давно...

II

Вопрошал и молил рояль.
На листе расплывались ноты.
Сквозь бетховенскую печаль
Сердце звало кого-то.
С клавиш точно рвалось «прости»
Потрясающе – вдохновенно:
На девичьем легла пути
Ранней тенью измена.

Нет ни слов, ни надежд, ни сил,
Нет мелодий в мажорном тоне...
Черный Ангел одним из крыл
Факел жизни уронит!

Блеск мелькающего кольца
Чуть тревожит прозрачность пальцев...
У партнера – ее отца –
Вид немого страдальца.

Разрыдалась виолончель,
Тоскованьям рояля вторя,
И бессмертный искусства хмель
Залил смертное горе...

Полон темных предчувствий взгляд –
Профиль дочери так бескровен!
Две слезинки в кольце дрожат...
– Дальше, дальше, Бетховен!

1957

ИДИЛЛИЯ

Таисии Баженовой

Сонно бродит – что ей торопиться! –
Средь широких улиц тишина,
И луна молодкой белолицей
Смотрит из небесного окна.

Обдает эфир своим дыханьем
За день раскаленная земля,
И молчат подобно изваяньям
Гордые красавцы – тополя.

Их кольчуги отражают дрожью
Переливы звездного огня.
Ластятся арыки к их подножью,
Серебром рассыпанным звеня.

Одуряющ аромат жасмина.
Вздохи майских роз порой слышны.
Домики, в саду наполовину,
Излучают скромность белизны.

Вот затрепетала чья-то песня,
Полилась, волнуясь, вдоль аллей,
А навстречу ей, еще чудесней,
Загремел, защелкал соловей.

На призыв его с таким же рвеньем
Зазвучали ближние сады –
И о чем-то дивном и весеннем
Как не помечтать на все лады?

Чуть ступая, медленно и сонно
Спугнутая скрылась тишина,
Но внимает сверху благосклонно
Песням и сердцам неугомонным
Томная молодушка – луна...

Помнишь ты все это? – Ну, еще бы!
Тополя... и песни... и сады...
Ах, в том мире не было ни злобы,
Ни смертельной атомной вражды!
До того все было в нем иное,
До того все шло иным путем,
Что и мы, ища себе покоя,
Разве только там его найдем!

1976

НА КРЫЛЬЦЕ

Вот как в Божьих хоромах затеплятся свечки,
И на землю росой упадет благодать,
Хорошо отдохнуть от жары на крылечке
И чуть-чуть перед сном помечтать!

На плечах до сих пор ни беды, ни заботы!
Этот маленький мир так привычно – знаком...
Всюду тяжко хрипят, закрываясь, ворота –
Домовитость на страже кругом.

Словно сонные веки смыкаются ставни.
Глуше лай притомившихся за день собак.
Все следы суеты и работы недавней
Незаметно уходят во мрак.

Потухают и гаснут голоса ребятишек.
У дверей хороводами кружатся сны.
Серебром заблестели железные крыши
По желанью хозяйки – луны.

Девять раз пономарь отсчитал для порядка.
В закоулках сгустилась дрожащая мгла.
Где-то горькой тоской захлебнулась трехрядка
И на лад плясовой перешла...

Городок – островок брошен в море степное,
Но порывы стихий не тревожат его!
– Ощущала ль тогда я свое коренное
С той ушедшей жизнью родство?

1960

ТЕМНАЯ ПЕЧАТЬ

О нездешней думая отчизне,
Все теплее любишь этот свет...
Мысль о смерти – спутница по жизни
С самых ранних помнящихся лет.

Времени приметив быстрокрылость,
Я росла в предчувствиях утрат,
Оттого так часто сердце билось
На совсем, совсем недетский лад.

Никому нельзя было открыться,
Да и как могла бы я сказать,
Что на любящих спокойных лицах
Темная мне видится печать!

По ночам к подушке крался ужас
И грозил двуострым лезвием:
Чем земное перерезать хуже –
Вечностью или небытием?

И в глухом измучившем вопросе
Зрела жизнь превратностей полна.
Не дала поздней ответа проседь,
Как не даст в конце и седина...

Первое исчезло окруженье,
Вихрями трагедий сметено,
И уже совсем другие звенья
Окружает среднее звено.

Смен не будет: то, что есть, навеки
К жизни приросло – не оторвешь!
Не текут к своим истокам реки...
Каждый год на прошлый не похож...

Все ясней, все резче превращенья
Тех же лиц... и страшно сознавать
Что увижу вдруг, в какой-то день я
На любимом темную печать!

Спутница! Ты поотстань немного,
Не шепчи мне про нездешний край
И на эту здешнюю дорогу
Предо мною тени не бросай!

1961

* * *

Не страшно то, что нет продленья срокам,
Но страшно знать, что в нас – источник зла.
Спешим, горим и будто ненароком
Чужую жизнь попутно жжем до тла.

Рвем без нужды, без ненависти губим,
На крик души бредем едва-едва
И часто тем, кого сильнее любим
Мы говорим жестокие слова.

Неумолим закон судьбы железный:
Пощады нет ни телу, ни уму.
О, если бы дойти до края бездны,
Не причинив страданья никому!

1939

ПОЕДИНОК

Ты сказал что-то едкое мне.
Мой ответ был несдержан не в меру.
В наступившей затем тишине
Сгоряча прозвучало: «К барьеру!»

И теперь на местах мы стоим,
Ожидая условного знака,
Но я знаю, над телом моим
Будешь ты и казниться и плакать!

Я же думать совсем не могу,
Что расплатой за эту затею
Ты умрешь на кровавом снегу,
Пораженный рукою моею...

Мое горе в глазах ты прочти,
Дай избегнуть конца рокового!
Скажем сразу друг другу «прости»
И забудем про лишнее слово!

О, ты понял меня, но... не так! –
В воздух выстрелил просто для виду,
Подал руку – не друг и не враг –
И ушел затаивши обиду!

1956

ПОЛОВОДЬЕ

Луга и пашни под водой,
Кругом стена из перламутра.
Какая глушь, какой покой,
Какое пасмурное утро!

Неслышней грохот колеса,
И жизнь проснувшаяся рано,
Как эти ближние леса
Неясно брезжит за туманом.

Мой одинокий островок
В чужих разливах и болотах!
Давно истек заветный срок,
Но сердце ждет и ждет чего-то.

И в жизни, залитой совсем
Тяжелым буйством половодий,
Неистребленная ничем
Растет уверенность в исходе. –

Куда, зачем, в какую даль,
На испытание какое?
О, эта долгая печаль
Лугов и пашен под водою!

1941

ВО ДНИ ВОЙНЫ

Вот и солнце взошло, слава Богу!
Можно двигаться, петь, говорить
И ночную глухую тревогу
На заботы при свете сменить.

Снова – свежесть росистая сада.
Тени грусти пока отгоню –
Сердце просто бесхитростно радо
Этой жизни и этому дню.

Облака прихотливы и зыбки
На беззлобном небесном челе.
О, зачем и вражда, и ошибки
И холодное зло на земле?

И зачем этот пафос развалин
И разящий без отдыха меч,
Если день сентября так хрустален,
Если счастье так трудно сберечь!

1939

БРЕД НАЯВУ

В коридорах улиц нет огней.
Зимний город в темноте и в страхе.
Смерть косой орудует своей
И не знает удержу в размахе.

Вереницы призраков вдоль стен
В осторожном медленном скольженьи,
Но сверлящий небо вой сирен
В миг любой сметет живые тени.

Этот темный город мне чужой. –
Рок людей бросает где попало!
Тяжело, несносно быть одной
В поисках житейского причала...

О, скорей бы отдых и тепло!
Страшно мне... кошмар схватил за горло,
И, как будто, вижу я, как Зло
Над землею крылья распростерло.

Чуть дыша, улавливаю стон,
Долгий стон, мучительный и громкий,
Охвативший все со всех сторон –
И дома, и мысли и потемки.

Словно выходя из глубины,
Он все время движется по кругу.
И печаль и ужас в нем слышны
Сквозь во тьме поднявшуюся вьюгу.

Это, видно, горе всех веков
Запевает гимн насильной смерти
Миллионом новых голосов
В бесконечно-длящемся концерте!

Из-за нас покой утратив свой,
Стонет запредельная стихия!
...Я внимаю Скорби Мировой,
Позабыв, куда должна идти я...

1979

ВЕЧЕР

Надо было торопиться
Все сказать и все запомнить,
Чтобы спрятать этот вечер,
У судьбы отвоевав.
Падал легкий свет на лица.
Не хотелось ничего мне,
Только радоваться встрече
Без предчувствий и отрав.

А ведь в каждом новом миге
Был уже росток печали...
Срок последнего потопа
Предвещали духи тьмы!
И об этом знали книги,
И рояль и ноты знали,
Но трагический их шопот
Заглушить старались мы...

В черноте защитной окна.
Режет нервы шум моторов.
Наважденья бредовые
Обуяли дол и высь.
Мы же в нить прядем волокна
Из заочных разговоров:
Вместо строк – слова живые,
Тени плотью облеклись!

Так случайно, так – в смятеньи,
Так недолго, так красиво!
Не блеснуло ль в звездах небо
Сквозь броню картонных штор?
...И опять, давно, мы – тени,
И опять лишь строчки живы...
Был тот вечер или не был,
Но волнует до сих пор.

1959

ПОЭМА О СЕСТРЕ

«Сестрица, сестрица,
Мне снова не спится!
Дыханью тесно, огонь в груди...
С тобой как-то легче – сядь, посиди!»

Словно в раме, в белой косынке
Наклонилось лицо, усталость тая.
Чтоб растаяли долгих страданий льдинки,
Нужно в бдительной ласке забыть себя.

Томленье бессонниц давно знакомо –
Им бессонной воли не надломить!
Ткань надорванной жизни земная помощь
Поправляет и чинит за нитью нить.

Красный крест – эмблема веры и крови,
Белое поле – чистота и свет.
Призвания чище, светлей, суровей
И незаметней, должно быть, нет!

«Мне тяжко, сестрица!
В глазах мутится...
Конец всему... дальше нет пути...
Один я, нет близких – перекрести!»

На подушке жизнь в уходящей муке.
Над подушкой жалость в тонкой броне.
Ободряюще-нежно хлопочут руки.
На устах улыбка. Печаль на дне.

Серое платье, белый передник:
Скромность, терпенье, тяжелый труд.
Страшно стоять у глубин последних,
Следя за отлетом последних минут.

Но сила любви естество превозможет,
И там, где одна обреченность царит,
Женское сердце не ведает дрожи,
Ему состраданье – надежный щит.

«Сестра, уходите
Сейчас же в прикрытье!
Пуля-дура, возьмет и вас.
Уходите, это – приказ.»

В дымке вьюжной февральской, белой
Водит смерть хоровод в степи...
Пусть не женское это дело,
Но сестра со всеми в цепи.

Кожаная куртка, в сумке что надо
Для перевязки тут же в рядах.
Ничего, что землю роют снаряды –
Разве есть время чувствовать страх?

Ношу долга с честью выдержат плечи
В хаосе безумья, в разгуле зла.
Где-то близко – гибель, плен, боль увечий,
Но она сама крест свой избрала.

«Сестра, это смелость,
Но так бы хотелось
Знать, отчего у вас
Вечно в повязке глаз?»

В ответ только губы сомкнулись строже,
Пробежала тень по лицу – на миг...
Есть в мире подвижницы, святые есть тоже
Без монашеских мантий и без вериг!

Слова не нужны. Все просто и ясно.
Подступают виденья грозовых лет.
На стареющем лбу – крест кроваво-красный,
Деяний любви нестираемый след.

Белый апостольник – евангелическое служенье.
Серое платье – самозабвенный труд.
Ты была. Ты будешь! И новые поколенья
Вслед за нами славу тебе споют!

1955

О САМОМ ПОСЛЕДНЕМ

Памяти мужественного друга
Е. В. К.

Огнем испытывают сталь,
А душу медленным недугом.
Когда смятенье и печаль
Ее охватят тесным кругом,
Тогда становятся видней
Все кривизны ее и тени,
И смена жалких превращений
Пугает близких и друзей.

В юдоли слез и суеты
Страданье – адское горнило!
Оно и кротких и святых
До исступленья доводило,
Оно внушало дикий страх
И зависть к сильным и здоровым,
И ядом наливалось слово
На болью выжженных устах...

Но есть избранники – и те
Не изнывают в злом вопросе
И в мужественной простоте
Свои мученья переносят!
Щадя других, они молчат,
Но до конца всему открыты,
И жизнь любя, не ждут защиты
И догорают как свеча...

КНИЖНЫЙ ШКАФ

А. И. Калугину

Это было в помещичьем доме
На ночлеге – в случайном углу.
Я лежала без сил на соломе,
Равнодушна к добру и ко злу.

Разбивались какие-то волны...
Расходился кругами огонь...
Я лежала и стыла безмолвно
В нароставшем кошмаре погонь.

Больше страшным уже мне казалось
Недалекое черное дно:
Отдохнуть бы хоть самую малость,
А потом все равно, все равно!

Мысли стали почти неподвижны.
Вдруг глаза ненароком подняв,
Над собой я увидела книжный
Полстены занимающий шкаф.

Средь чужих он стоял одиноко,
Как в несчастьи покинутый друг,
Озирая с печальным упреком
Нищету и смятенье вокруг.

От вплотную заставленных полок
Словно ток заструился ко мне:
Человеческий бедный осколок
Снова стал человеком вполне!

Как подумаешь – столько сокровищ,
И они не нужны никому!
Строй над строем стоит – наготове
Развернуться душе и уму.

За стеклом имена золотые
Называют, толпясь, корешки...
И мой мир захлестнула стихия
Испытующей жадной тоски!

Отшатнулось в испуге больное,
Принимая целительный сдвиг –
Над соломой моей, надо мною
Зазвучала симфония книг!

А кругом безутешные люди
Не пытались противиться злу
И не знали – не знали о чуде,
Что творилось у шкафа в углу.

1950

С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

I

Скрывается год за годом.
Не все еще песни спеты,
А кто-то сказал мимоходом:
«Твой голос – с другой планеты!»

Смысл жизни мог уничтожить
Удар этих слов жестоких.
Но как мне не знать, о, Боже,
Что полон мир одиноких!

Завянут цветы успеха
На торной земной дороге...
О, если бы сердца эхо
Дошло хотя до немногих!

II

Каждый век – завершенный круг.
Каждый век обречен заране!
Не доходят ни сердца стук,
Ни примеры благих деяний
К нам, сегодняшним, из-за граней.

Только громкие имена
Испещряют времен скрижали –
Тень бессмертия им дана,
Чтоб из недр легендарных далей
Про высокое нам вещали.

Но дыханьем былых эпох
Наша, новая, не задета!
Каждый мертвый кумир – не бог
И мерцает с другой планеты
Отраженным холодным светом!

III

Почему-то исстари так уж повелось,
Что отцы и дети неизменно врозь...
Для чего ты пишешь книгу о себе?
Кто узнать захочет о твоей судьбе?
Щедро кровью сердца строчки не пои –
Верь, не капнут слезы на слова твои!
То, что пережил ты, отошло во тьму
И уже не нужно больше никому –
Смотрят с расстоянья в три десятка лет
Жители соседних, но чужих планет!

IV

Решительною резкою чертой
Жизнь делится на две неравных части:
С той стороны – что раньше было мной,
Здесь – памяти мучительное счастье.

От той себя во веки не уйдешь,
От тех времен в безвременье не скрыться.
В них – первых строф блаженнейшая дрожь.
В них – бытия главнейшая страница.

Земля и плоть – во власти перемен,
Духовному дано преображенье.
Да будет свет зари благословен
В волнующем вечернем преломленьи!

Но с преданностью дочери любя
Мой прежний мир почивший и отпетый,
Гляжу я на него, а в нем и на себя
С другой планеты...

1956

РОДИНЕ

Ты совсем иной была сначала,
Полной материнского тепла.
Первую мне сказку рассказала,
Первой песней сердце разожгла.

Ты меня связала с тем, что было
В чтимые тобою времена,
По своей земле меня водила,
Говоря, что и моя она.

Ты учила вере и терпенью
И была добра не напоказ,
Лишь потом поддавшись наважденью,
От меня сама же отреклась...

Свет пройдя от края и до края,
Я забвеньем горя не залью,
Но сквозь боль тебя благословляю
За любовь минувшую твою!

1962

III

МИНУТЫ И ГОДЫ

В ДОЛГУ

Сколько строф в глубине
И напевов внезапных и жгучих,
Сколько вещей тоски
Новый натиск судьбы обнажил!
Это верно, что мне
Позабыть о несбыточном лучше:
Чересчур коротки
Вспышки скупо отмеренных сил!

И ведь вот не могу!
Пусть просвета почти и не видно,
Пусть неверен и слаб
В уголки проникающий ток, –
Оставаться в долгу
Ужасающе грустно и стыдно,
Как евангельский раб,
Не отдавший что должно в свой срок.

Потеряла навек
Полноценные свежие годы,
Женской доле отдав,
Горсть по горсти, едва ли не все.
О, как мал человек
Пред лицом неотступной природы
Без защиты, без прав,
Без надежды продлить бытие!

Слышу зов, ясный зов:
«Не пора ли тебе торопиться?
Знаешь, надо отдать
Что доверено было – с лихвой!»
Но без строф, но без слов
Цепенеют в тетради страницы...
И земную тетрадь,
Просмотрев, назовут – черновой!

1951

НОВЫЙ СНЕГ

Для таких вот, как это, утр
Жить на свете и дальше стоит
Даже тем, кто не бодр, не мудр
И вконец изнемог душою!

Новый снег, что без блеска бел
Под морозной фатой тумана,
Все невзрачное приодел,
Сгладил рвы и присыпал раны.

Под ногами чуть-чуть хрустит...
Приглушенней дневные шумы...
Без конца бы вот так идти,
Без труда бы о трудном думать!

В украшениях кружевных
Провода, и сады, и крыши.
Ах, побольше бы утр таких,
Когда сердце мудрей и тише!

1951

ЯКОРЬ

Кто сказал, кто мог придумать это:
Жить без веры? – Значит без следа
Провожать с душою пустоцвета
За годами новые года?

Не томиться на земле без крыльев,
Быть довольным просто сытым днем
И считать себя всего лишь пылью
В сумрачном пространстве мировом?

Это значит – пред высокой Властью
Никогда колен не преклонять,
Никого не прославлять за счастье,
Ни к кому в несчастье не взывать!

И когда, как будто, ниоткуда
Помощи уже не может быть,
Вспыхнувшей надеждою на чудо
Темноты своей не озарить!

Жить без веры! Кто без содроганья
Первым бросил в мир эти слова?
Но в веках мы не нашли признанья
Бренности как торжества!

1951

ШЕЛЕСТ

Прислушайся, как ветер, чуть вздыхая,
Одеждою деревьев шелестит!
Прислушайся, как песнь твоя земная
Совсем уже по-новому звучит!

Мучительно-прекрасен мир осенний,
К нему теперь принадлежишь и ты!
Ах, осенью от легких дуновений
Покорно осыпаются цветы...

В последний путь, не в даль, не к смелым высям,
Несет тебя осенний листопад...
В руках твоих страницы старых писем
Как высохшие листья шелестят!

Ложатся тени явственней и чаще...
В кругу сомнений мечется душа,
И все слабей привычно шелестящий
В сплетеньях строф нажим карандаша.

Придет пора готовиться к ответу
И, сбросив власть иллюзий навсегда,
Ты все допетое и то, что недопето,
Предашь огню, развеешь без следа...

И будет сердце биться еле-еле...
Но перед тем, как отойдешь ко сну,
Еще не раз раскрытой книги шелест
В последнюю вольется тишину.

1952

* * *

Много нам и в бренности дано
Между строго проведенных граней.
Время в драгоценное вино
Превращает сок воспоминаний.

Темнота сиянья звезд полна.
В немощи мы часто не бескрылы
И дойдя в отчаяньи до дна,
Снова как-то обретаем силы.

Разочарованья – не финал,
А начало откровений новых,
Чтобы взор наш закаленным стал
И совлек с ненужного покровы.

И когда уже изменит все,
Кроме бесконечного терпенья,
Мудрость будет славить бытие
И, не споря, ждать развоплощенья.

1953

ЗАГАДКА

Через все мы прошли мытарства,
Мир увидели без прикрас...
Разве где-нибудь есть лекарство,
Чтобы память отнять у нас?

Круг скитаний земных все уже,
И все меньше телесных сил...
Вот и думаю: почему-же
Рок нас все-таки не сломил?

Может быть, что в огне печали
Средь безвремений и разрух
Наподобье дамасской стали
До конца закалился дух?

Или кровь это в нас такая –
Отдаленнейших предков кровь,
Что в стлолетьях не остывая,
Пробивается вновь и вновь?

Но кому ключ к разгадке нужен?
Есть какой-то внутри запас,
Хоть старается жизнь снаружи,
Обесцветив, разрушить нас!

1954

ВДОХНОВЕНЬЕ

Таисии Баженовой

Что может быть пленительнее света
Вечерней догорающей зари?
На чудо кратковременное это
Ты новыми глазами посмотри!

Еще не все прохладой ночи взято,
Еще не все – добыча темноты,
И жарко пламенеют от заката
В руках твоих ожившие цветы.

Они твои! И пусть задетый тенью
Потом тусклее станет бархат роз –
Прославь судьбу за то, что вдохновенье
Закатный час тебе еще принес!

1954

НОКТЮРН

В своей темной таинственной плоти
Ночь лукава, проста и мудра...
Слышу музыку в доме напротив,
А в ручье мелкий звон серебра.

Небо сумрачно, но не угрюмо.
За клубящейся мутью – луна.
Сколько можно теперь передумать,
Если молча сидишь у окна!

Брызги вечности, счетом двенадцать,
Мерно капают с башни во тьму.
Знаю, сердцу пора устояться
И найти оправданье всему.

В темноте улыбаюсь устало –
И тому, что давно отцвело.
Льется в комнате роз запоздалых
Вдохновенно-земное тепло...

1954

* * *

Не будет печалей и незаживающих ран,
Не будет упреков и робких молений о чуде...
И дни и века изольются в один океан,
И времени больше не будет.

Земли очертанья исчезнут в дыму облаков,
И вихри восплачут о сердце вселенной остывшем.
Сотрутся границы поступков, желаний и слов,
И бывшее станет небывшим.

Палящее Око пронзит мирозданье насквозь,
Но с гневом и скорбью заспорят и жалость и милость,
И может быть, то, чем мы жили и что не сбылось,
Зачтут нам как то, что свершилось!

1954

РОДИНА

Кто любит, тот крест свой примет:
Любимое вечно любо!
Одно дорогое имя
Всю жизнь повторяли губы...

Затмила мечту о встрече
Растущая в нас усталость,
Но боль-то от всех увечий
Такой, как была, осталась!

Один на другой похожи
Года проплывают мимо.
Взаимности быть не может,
Но верность нерасторжима!

И надо с последней силой
Смириться с судьбой без стона,
Чтоб сердце и дальше жило
Любовью неразделенной!

1955

НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ

Нет, не вымостят площадь в аду
Отраженьями наших намерений!
Почему-то чем дальше иду,
Тем я в этом уверенней.

Их скорее расстелют потом
Руки добрые бестелесные
Неоконченным пестрым ковром
Перед дверью небесною!

И, познав до конца благодать
Вечной жизни с ее просторами,
Будет кто-нибудь все же вздыхать
Над земными узорами...

1955

ГОРЕНИЕ

Самоотверженным

Перейдена какая-то граница.
Век атомный справляет торжество.
Не лучше ли совсем отгородиться
От шумного чужого – от всего?

Уйти в себя, как по обету – в келью,
Сломать и сжечь последние мосты,
На мир, давно кружащийся без цели
Смотреть издалека и с высоты...

Искать в былом, и в нем одном забвенья,
Его теплом держаться до конца
И принимать случайные вторженья
Со вздохом и с улыбкой мудреца...

Не звать, не ждать, не спрашивать, не слушать,
Беречь, как клад, достигнутый покой,
Чтоб год от году доносился глуше
Житейский нарастающий прибой...

Уйти в себя? – Но этот век гремучий
Походит тем на каждый бывший век,
Что несмотря на разум сверх-могучий,
В нем так же мал и смертен человек!

И как прожить ни с чем, ни с кем не споря,
Участье к внешней жизни истребя,
Когда кругом седые волны горя,
И брызги их доходят до тебя?

Пусть за стеной спасается, кто хочет,
Но жизнь и смерть краснее на миру,
И в мужественном сердце не подточит
Вся сила зла влечения к добру.

Быть может, прав, в ком самоуглубленье
Мучительный заполнило провал,
Но выше тот, кто весь уйдя в горенье,
Жалеть и помогать не уставал!

1955

ИЛЛЮЗИЯ

Ты колышешь меня на волнах,
Ободряюще солнцем прогретых,
Чертишь в полночь на белых стенах
Обольстительные силуэты
И развеявши в прах
Все запреты,
Чрез пространства кидаешь мне мост
До звезд!

К полыханью чужого огня
Ты подводишь меня легкой тенью
И показываешь, дразня,
Незабывшихся снов воплощенья,
Чтоб томили меня
Наважденья
И рождались в чаду колдовства
Слова...

1955

МИФ

Говорят, что я, это – не я.
Говорят, что вовсе нет меня
Ни среди поэтов, ни в природе,
Имя же мое – случайный щит
Для кого-то, кто за ним таит
Нарастанье собственных мелодий!

Я при жизни превратилась в миф
Оттого, что долог мой отрыв
От других моих сестер и братьев.
Невидимкой годы прожила
И, должно быть, этим навлекла
На себя какое-то заклятье!

Что в ответ на вымысел скажу,
Мерно приближаясь к рубежу,
За которым должен скрыться каждый?
Все равно мой голос слишком тих,
Не услышат люди слов моих:
«Есмь – живу, еще пою и стражду!»

1955

ЖИЗНЬ

Пусть набухает сердце тоскою,
Как зерно готовя ростки,
Лишь бы только о вечном покое
Не было в нем тоски!

Пусть о несбывшемся сожаленье,
Словно ржа, дно души изъест,
Пусть порой до изнеможенья
Давит недуга крест!

Пусть разгорится негодованье
От костра мировых обид,
Пусть пытливого вопрошанья
Время не утолит!

Пусть умножится вдвое и втрое,
Если надо, мера тоски –
Лишь бы остаться душой живою
До последней строки!

1956

НЕВОЗВРАТНОЕ

В ночной тиши, когда седой и зыбкий
У изголовья медлит полумрак –
Какой простор перебирать ошибки,
Оглядывая жизнь за шагом шаг!

Всего турдней душе на переломах –
Острей тоска, мучительней недуг,
И каждый, каждый совершенный промах
Таит в себе зерно горчайших мук.

Пока живем, нам не дано забвенья,
С минувшим злом не сладить как-нибудь...
О, сколько лет, убитых в нераденьи,
О, сколько слов, которых не вернуть!

Короче жизнь. – Всю ночь с церковных звонниц,
Мешая сну, гудит об этом медь,
И дум о том, что хуже всех бессонниц,
Не отогнать и не преодолеть!

1956

* * *

Радуйся жизни, ибо теперь позднее,
Чем ты думаешь!
Китайская мудрость

Радость не льется струей через край.
Но брызги ее всюду есть –
Лови же, лови, не опоздай,
Пока ты еще здесь!

Грузным слоем над годом ложится год.
Каждый день – новый тонкий пласт.
Ни одна минута не подождет,
Но смотришь, что-нибудь даст!

И хотя от лет тебе тяжело
А от дум еще тяжелей,
Береги про запас для других тепло
И радоваться умей!

ЛАМПАДА

В храм нельзя войти простоволосой,
Приберись же прежде, чем войдешь!
За собой оставь свои вопросы
И скорей сомненья уничтожь!

Ни роптать, ни умствовать не надо.
Все, над чем ты билась, строго взвесь!
Там уже не место для разлада,
Где давно взыскуемое есть.

В самом возвышающем обмане
Счастья и забвенья не ищи!
По дороге сердце может ранить
Даже встречный камень из пращи.

Если боль тебя изгложет тупо,
Если боль дышать тебе не даст,
Принеси ее под вечный купол,
Урони ее слезой из глаз!

Засвети сама в себе лампаду,
Углубясь в мерцающую тишь!
Пусть смысл жизни будет неразгадан –
Все равно, разгадки не вместишь!

1956

УТРО

Ночь оставила бескрылость,
Сна совсем не подарив...
Что за радость, что за милость –
Света крепнущий прилив!

Страх раздумий – сумрак зыбкий
Отстоял свои часы.
Небо – в розовой улыбке,
Блеск на крышах от росы.

Горы в дымке до вершины,
Значит – будет день погож.
Разгони свои морщины,
Утра грустью не тревожь!

Обрати лицо к востоку
В новом трепете зари
И Недреманному Оку
Двери сердца раствори!

1956

НЕУТОМИМОСТЬ

А. И. Калугину

Чуть заметно сердце устает,
Но еще совсем не гнутся плечи.
Как судьбы избранник счастлив тот,
Кто неутомимостью отмечен!

Мы давно несемся под откос,
Прошлое затеряно в тумане.
Счастлив тот, кто яркими пронес
Через муть свои воспоминанья!

Но иными звонами звеня
И толпу везде перерастая,
Он – не враг сегодняшнего дня,
Не певец потерянного рая.

Страх пред жизнью цепок и ползуч
И унынье вечно наготове.
Счастлив тот, кто и случайный луч
В крадущемся сумраке уловит.

Зная, что всему своя пора,
И свою непрочность тоже зная,
Грустное мерцанье серебра
Он на злато радости меняет.

Он всему открыт, на все готов,
Каждому биенью жадно внемлет,
Любит сочетанья смелых слов,
Музыку грядущего и – землю.

Тверд и сокрушающ жизни ход,
Но победоносно – бесконечен.
Счастлив и без счастья только тот,
Кто неутомимостью отмечен!

1956

НА ЗАВОДЕ

С. П. Иваницкому

Под крещендо машинных рапсодий
В царстве дыма, огня и кислот
О лесах, тишине и свободе
Все настойчивей сердце поет.

Жизнь замкнулась в кругу преисподней,
И у жерл раскаленных печей
Будет завтра таким, как сегодня,
Как и множество прожитых дней.

Об ином и мечтать бесполезно!
Но ведь столько и столько часов
Это – путь над невидимой бездной
Под нависшим крылом катастроф!

Где-то ласковость летнего ветра,
Умилительный лепет берез,
А безгласная речь манометра
Предвещаний полна и угроз.

Нарастает желанье созвучий,
Ритм ведет за собою слова,
И так жаль, что опасности жгучей
Не должна забывать голова!

Душно. Силы давно на исходе.
Ждет прохлады запекшийся рот.
Но и хаос железных рапсодий
Сердце с такта на миг не собьет!

1956

БЕЗ ТИШИНЫ

Переполнен звуками эфир.
Всюду шум, которому конца нет.
Отчего в отчаяньи весь мир
Против диссонансов не восстанет?

С каждым днем труднее на земле
Уголок найти – куда бы скрыться.
В надоевшей громкой толчее
Мельче души и тусклее лица.

Надо как-то свыкнуться с судьбой,
Напряженно глядя вслед свободе,
А в ушах гудит, гудит прибой
Из чужих разрозненных мелодий...

Прожжены смятением до дна,
От себя стараемся уйти мы.
Потому, должно быть, тишина
И страшна и трудно выносима!

1956

МУЗА

Скупей, отрывистей, короче,
Подобно жизни, льется стих
Без аллегорий, многоточий
И украшений вырезных.

Ничто не вечно и не ново.
Грядущее предрешено,
И как сосуд душа готова
Вместить и мирру и вино.

Дар песни – царственная милость –
Чем дальше, тем дороже мне,
Но все, меняясь, изменилось,
И муза – в латах и в броне!

1956

ДРУЖБА

Она всех даров чудесней,
Сокровищ земных дороже!
Поэты цветы и песни
Бросали к ее подножью.

Алтарь ее цел и ныне,
Хотя и не так украшен:
Жизнь стала скупей, пустынней,
А с нею – и сердце наше!

Но тот, кто судьбой отмечен,
Найдет одного средь многих
И с ним, даже с первой встречи,
По той же пойдет дороге.

Затмится, увы, с годами
Ярчайший огонь любовный,
Но тихое дружбы пламя
Горит неизменно ровно.

Пусть время лицо иссушит,
Пусть плечи, что год согбенней –
Моложе и крепче души
От близких прикосновений.

О дружбе тысячелетья
Мечтали и пели люди. –
Как выцветет все на свете
Когда и ее не будет!

1956

ВРЕМЯ

Перемены везде – вздохни о них!
У времени много хлопот:
Укорачивать где-то событий ход,
Обрывать чьих-то дерзких надежд полет,
Пресекать какой-нибудь древний род,
Превращать в стариков молодых!

Перемена в тебе – прими ее!
Нерешенных не тронь задач,
Боль от старых ранений поглубже спрячь,
О несбывшемся в долгой тщете не плачь:
Время лучший, хотя и суровый врач
И снотворное даст питье.

1957

ОПЫТ

Мать просила: «О, жизнь, не лишай их тепла,
Пожалей, не губи, не калечь!»
Жизнь детей не согрела – она обожгла,
И мать не смогла оберечь...

В темно-карих глазах огорченный вопрос,
В светло-синих его уже нет,
Потому что до времени опыт принес
На все беспощадный ответ.

Никаким материнским горячим слезам
Черной гари познанья не смыть...
Где такой раздобыть чудотворный бальзам,
Чтоб ожоги чуть-чуть подлечить?

1958

ЛАРЕЦ

В ларце отдыхают письма,
Далекий путь пролетев.
Друг к другу не собрались мы,
И вот – времена не те!

Обидой еще кипеть ли
На разных концах земли
Теперь, когда жизни петли
Вплотную нас оплели?

Заглянем в глаза печали,
Чтоб в них без труда прочесть:
Мы лучшее потеряли,
Но главное у нас есть!

Желанье осталось словом,
Порыв сгорел на корню...
В надежном ларце дубовом
Я память о них храню!

1958

ТРЕПЕТ

Из таниственной вечной тьмы
Мир, любимый нами возник.
Все проходит – уйдем и мы
В тот же самый глухой тайник.

Сокрушителен ход веков,
Гибель в сущее вплетена,
Нет на свете бессмертных строф –
Гаснут звезды и имена.

Окрыляющим нас мечтам
Жить в потомках не суждено –
То, что близко до боли нам,
Отзвучав, упадет на дно.

Но быть может всего важней
Просто бренность свою приять,
По-немногу слюбиться с ней
Не согнуться и устоять!

Тьма в начале и тьма потом.
Волю к жизни, живя, удвой:
Каждый творческий трепет твой
Это – вечность в тебе самом!

1958

КОМЬЯ ЗЕМЛИ

Сердцем Шопен завладел.
Распростерлась соната
Траурным маршем,
Как стяг надо всеми.
Вот и предел!
Средь торжественно-скорбных раскатов
Дайте дорогу старшим:
Свершилось их время!

Мудрость, приди, успокой,
Научи, как смириться
С тем, что все бренно –
Деянья и люди!
Взяты землей
Нашей жизни живые частицы –
Нет им замены
И больше не будет.

Где-то вдали, позади
Скользят отраженья
Непозабытых
Фантасмагорий.
Вещая песня гудит
О двух поколеньях,
Накрепко слитых
В бореньях и в горе...

Вместе мы жгли корабли,
Претерпевали мытарства,
Жили надеждой одной
Десятилетья...
Падают комья земли
И слова про небесное царство...
Листья шуршат под ногой...
Пусто на свете...

1958

МИНУТЫ И ГОДЫ

Бывают минуты насыщенней лет
От вспыхнувших молнией тайных побед,
Когда нераздельно в пылу торжества
Сливаются чувство, напев и слова.

Бывает, что годы забвению в пасть
Хотелось бы бросить и, бросив, проклясть...
Но я не бросаю, но я не кляну
И в даль порываюсь – не к вечному сну!

Пусть цепи из буден – звено за звеном –
Неслышную жизнь оплетают кругом,
Теснят и свободно дышать не дают,
Но есть и сплетенья из светлых минут!

И как не принять обезмолвленных лет
Когда есть и счастье минутных побед!

1979

IV.

СЕСТРЫ ВДАЛИ И ВБЛИЗИ

УМЫКАНЬЕ

В чаще леса шум зеленый,
золотые перезвоны,
щебет, посвист, птичий грай.
В нежном трепете березки,
всюду искры, всюду блестки –
льется радость через край.

Огнеликий бог – Ярило
греет землю с новой силой,
крепнут травы, вьется хмель.
И лукавый, златокудрый,
вечно-юный, вечно-мудрый
по цветам ступает Лель...

Чу! встревожились верхушки:
громкий топот на опушке!
Чей-то конь пронесся вскачь,
а за этим диким скоком
на лесном пути далеком
обессилел женский плач.

То не раненая птица –
в путах пленница томится,
изнывая, не дыша,
ждет конца своих мучений,
а сама как день весенний
молода и хороша.

Статный всадник молод тоже.
Путы сняты. Конь стреножен,
и напоен и забыт...
Ручеек вблизи струистый,
и в густой траве душистой
всадник с пленницей сидит.

Не отводит парень взгляда!
«Не горюй, не бойся, Лада!» –
льется ласковая речь,
«Ты досталась Буревиду,
он не даст тебя в обиду,
будет холить и беречь!

«Я давно тебя приметил –
краше нет тебя на свете!
Далеко отец и мать...
Я гнездо тебе устроил!
Ты со мною, я с тобою
будем жить да поживать!»

Тихо вздрогнули ресницы...
Лада больше не боится!
В волосах кудрявый хмель.
Льнут к ногам лесные травы.
И довольный и лукавый
по цветам ступает Лель...

1958

ДОЛЯ

Пожалей дитя свое, родная!
Разве мало места нам в избе?
Что ж ты за порог меня толкаешь? –
Я ли не помощница тебе?

Батюшке скажи, замолви слово!
Не объем я вас, не обопью!
Ах, не выдавайте за чужого
дочку бесталанную свою!

Из тепла родимого на стужу
навсегда вы гоните меня,
чтоб служить неласковому мужу,
чтоб не видеть радостного дня!

Будет он учить меня сурово –
на стене висит недаром плеть!
Не увижу ничего иного,
буду молча смолоду стареть...

Коль меня проведаешь, родная,
на чужой немилой стороне,
надо мной сама запричитаешь,
только этим не поможешь мне. –

Про житье мое узнать захочешь
да и спросишь: «Доченька, скажи,
где твои улыбчивые очи,
синие, как васильки во ржи?»

Улыбаться нечему в печали,
к сердцу страх давно уже прирос.
Васильки от холода завяли –
выцвели глаза от слез!...

1975

СВЕКРОВЬ

Ты не пой, ты не пой-ка, соловушка,
про былое девичье житье!
Истомила вконец мать-свекровушка
горемычное сердце мое!

Что ни вымолвлю я, что ни сделаю –
так и колет насмешливый взгляд.
«Ну, куда ты годна, погорелая,
повернешься и то невпопад!»

Знаю, знаю, что я бесталанная,
хоть была из богатых невест...
В один день съел пожар все приданое,
а свекровь бесприданницу съест!

Муж жалеет меня, заступается,
чересчур донимать не велит,
а в душе-то, быть может, и кается,
натерпевшись со мною обид...

Оттого, что судьба не изменится,
присмирела горячая кровь,
и меня, как несчастную пленницу,
изведет без пощады свекровь...

1977

ПОЛОНЯНКА

Помню про Марусю-Полонянку
слышанный давно старинный сказ –
как она в потемках спозаранку
к землякам в темницу пробралась.
У рабов колодки посбивала,
указала к морю ближний путь,
где стояли лодки у причала:
Может быть, Бог даст им как-нибудь
избежать погони басурманской
и родную землю увидать,
чтоб за правду веры христианской
головою снова постоять!
А не то – так лучше сгинуть в море,
жизнь окончив вольным казаком,
чем у турок дальше мыкать горе
в кандалах, в лохмотьях – под замком!
Бедные невольники рыдали –
вдруг конец бесчестью и тюрьме! –
Маленькие руки целовали,
припадали к ножкам в полутьме.
По одежде словно бы туркиня,
а по речи близкая, своя!
«Ангел наш, тебя мы не покинем,
не пойдем на волю без тебя!»
Но она их ласку отстранила
и, не тратя времени, скорей,
задыхаясь – видно через силу –
рассказала о судьбе своей.
Рассказала, кто она, откуда
и когда захвачена в полон,
что давно не просит больше чуда,
что забыла веру и закон.
А живет она в великой холе
много лет в гареме у паши
и уже совсем не хочет воли
и не ждет спасенья для души!
Как уйти от жизни нечестивой –

ведь она детей турецких мать!
И опять она нетерпеливо
умоляла до свету бежать.
Прекословить пленники не смели...
поклонились в ноги... и ушли...
Настрадались, но достигли цели –
православной дедовской земли!
Как вернулись и как дальше жили,
не дошло через века до нас,
но зато потомкам подарили
о Марусе-Полонянке сказ.

1939

КНЯЖЬИ ОЧИ

Молча поднесла воды напиться
и слегка с поклоном подалась.
«Спаси Бог, красавица-девица»,
отдавая чашу, молвил князь.

Был он грустен, тяжко озабочен,
не сошел с коня набраться сил,
но свои задумчивые очи
все ж на миг на ней остановил.

Лишь на миг... что значит миг единый,
есть ли у него над жизнью власть?
Подан знак – и вот уже дружина
на рысях за князем понеслась!

Вдоль дороги, вдоль ее обочин
пыль тянулась. Распалялся зной.
Никого... И только княжьи очи
будто здесь и светят ей одной!

Девушка, да полно! что с тобою,
отчего сама ты не своя?
Притаилось счастье непростое
в уголке бессчастного житья!

Легкой доли сердце не пророчит:
бабий век да гарь избы курной...
Но из этой теми княжьи очи
будут ей сиять – лишь ей одной!

1968

АРИНУШКА

В просторной, но низкой светлице
стояла она у окна,
вздыхая о том, что промчится
и эта, и эта весна.

Все – женские думы, да пяльцы
и нет ничего впереди!
И тонкие хрупкие пальцы
в тоске прижимала к груди.

Узывно тянуло сиренью.
И, косы откинув назад,
она беспокойною тенью
спускалась на цыпочках в сад.

Там терпкой весенней отравой
дышали трава и цветы,
и вечной усмешкой лукавой
дразнила луна с высоты.

Везде стрекотанье и пенье,
везде вдохновенный порыв,
и девушка в тихом томленьи
мечтает, глаза опустив.

И кажется ей: из тумана
вот-вот кто-то к ней подойдет,
«Аринушка, друг мой желанный»,
ей на ухо быстро шепнет.

И ласково ляжет на плечи
могучая чья-то ладонь,
и будут отрывочны речи,
и будут уста, как огонь!

Напрасно! За крепкой оградой
не сбудется девичий бред!
И вот она бродит по саду
пока не забрезжит рассвет...

Как с детства привыкла – смиренно,
с почтительным кротким лицом –
стояла в отцовской моленной
Боярышня-дочь пред отцом. –

«Аринушка, чадо родное,
мы все порешили вчера.
Я сам твою долю устроил:
Давно тебе замуж пора!

Князь Юрий не стар и дороден
и стоит иных молодых.
И если царю он угоден,
то чем бы тебе – не жених?»

Чуть вздрогнули девичьи плечи.
Но замер, не вырвавшись, стон...
Отцу не пристало перечить,
отцовская воля – закон!

В залитом огнями соборе,
бледна, как больной пред концом,
с бесслезною мукой во взоре
стояла она под венцом.

По воле других хоронила
девической воли года
и внятно для всех проронила
уставное крепкое «да».

В сияньи икон чудотворных
гремело «Исайя, ликуй!»
и приняли губы покорно
законный – чужой поцелуй.

А сердце, что пленная птица,
казалось, ей грудь разорвет!
Но надо стерпеться – слюбиться...
Другой все равно не придет...

И снова, навеки – в затворе...
И лето сменяет зима...
Да, женские думы и горе
привыкли стеречь терема!

Княгиня не лучше, не хуже –
единая доля у всех!
Она не противилась мужу,
искавшему нежных утех.

Всего же нежней целовала
дарованных Богом детей
и княжеский дом наполняла
спокойной улыбкой своей.

Жила в тишине и порядке,
природной светясь простотой,
молилась за всех при лампадке,
когда не увидит никто,

убогих и странных кормила,
дары посылала в острог,
а волосы время белило,
стирая румянец со щек...

Случалось, что гости шумели,
заморское пили вино.
Она не корила веселье –
Веселыми быть не грешно!

И князь на своей половине
не раз ее спрашивал сам:
«Аринушка, свет мой – княгиня,
пригубь во усладу гостям!»

Являлась с недолгим приветом,
и, чары коснувшись, уста
шептали неслышно при этом,
что вся наша жизнь – суета...

И было, как будто, все то же –
и люди, и дом, и дела.
Но знаменье милости Божьей
однажды коснулось чела. –

Был тих почивающий терем.
В саду бушевала весна.
Княгина лежала, не веря,
что участь ее решена.

Ей было и томно и сладко –
тянуло сиренью в окно.
Вдруг с треском потухла лампадка,
и стало в покое темно.

Меж явью и тягостной дремой
металась в тревоге душа,
и Кто-то от века знакомый
приблизился к ней, не спеша.

И свет засиял – не лампада.
И глас прозвучал в тишине:
«Аринушка, верное чадо,
пора – собирайся ко Мне!»

1944

ПРАБАБКА

Когда мне смутно, и когда мне тесно
и кажется, что жизнь уж прожита,
приходит тень прабабки безызвестной
и шепчет мне: «Все это – суета!»

Прервав разбег своих наклонных строчек,
я перед ней спешу с почтеньем встать.
Простой наряд. На голове платочек.
Из-под платка – серебряная прядь.

Ее лицо, как будто, мне знакомо –
не стану ль я такою, как она?
Журчат слова: «Все маешься без дома?
«О, Господи, какие времена!

«Да что роптать? – ты ропот лучше спрячь-ка!
«Благой совет тебе я ныне дам –
«терпи – и все! на то ты и казачка!
«А что – к чему, про то не ведать нам.

«Моя судьба была твоей суровей,
«Долга печаль, а радость коротка.
«Мы, Марьюшка, с тобой единой крови –
«моя в тебе течет через века!

«И я рвалась на волю да на солнце,
«но не давал податься супостат.
«Мне до конца пришлось глядеть в оконце
«на крепостной зубчатый палисад...

«То за детей дрожала, то за мужа –
«злой басурман нас вечно донимал...
«Так и жила... а я тебя не хуже.
«Неси свой крест, велик он или мал!

«Ты разумей – тебе я не чужая;
«Вот и пришла наставить и помочь!»
Прабабка мне кивает, исчезая:
«Ну, мне пора – прощай-ка, мила дочь!»

1948

ШИПОВНИК

Розовеет веселый шиповник...
Задыхаясь стою у плетня.
Это он, моей грусти виновник!
Он прошел, не взглянув на меня.

Промелькнул. Второпях не заметил...
Тише сердце... молчи... все равно...
День, как будто, и ясен и светел,
а в глазах почему-то темно...

Он под вечер заглянет, быть может,
попрощаться со мной и с отцом,
тихо руку к фуражке приложит –
как всегда молодец – молодцом.

Скажет бодро, с казачьим задором,
что, мол, завтра в поход, на войну.
Задрожат мои губы, но скоро
отвернусь ненароком к окну.

Мой отец непременно припомнит
невозвратные старые дни,
и о том, как сейчас тяжело мне
ничего не узнают они.

Спрячу глубже и боль и волненье,
над собою крепка моя власть.
Боже, Боже, хотя б на мгновенье
мне к груди его, плача, припасть!

Осенить бы крестом и проститься,
долго, долго в глаза поглядеть,
молча ладонку с нашей землицей
да Заступницы образ надеть!...

Но нельзя, мне нельзя... я – чужая,
моя нежность ему не нужна!
Перекрестит его провожая,
вся в слезах молодая жена...

Мою руку пожмет он сердечно,
поцелует отца, уходя,
и совсем не заметит, конечно,
на щеках моих капель дождя...

Розовеет веселый шиповник.
Неподвижно стою у плетня.
Он не муж мне, не брат, не любовник,
отчего я – сама не своя?

СЧАСТЬЕ

Ты у меня, я у тебя в плену.
Но помолчим! такие есть мгновенья,
когда слова почти, как оскорбленья
кощунственно тревожат тишину.

О, этот дар, о, эта благодать
души с душой прямой беззвучной речи!
Ты знаешь все, что я тебе отвечу,
я знаю все, что хочешь ты сказать.

Как хорошо! Бездонна синева.
Ты здесь со мной. Кругом шумят березы.
И сердце так полно, что набегают слезы,
и счастье так полно, что не нужны слова...

1942

* * *

Зачем желать каких-то прочных благ –
все лучшее всегда неповторимо!
Проходит жизнь, все ускоряя шаг,
но есть слова, что не проходят мимо!
И встречи есть в мечтах или во сне,
сверкнувшие в потемках, как зарницы,
и письма есть, погибшие в огне,
которые за гробом будут сниться...

1939

* * *

Висли облака. Падал рыхлый снег.
Вороной рысак размахнул свой бег.
Валки и легки санки-бегунки,
радостен охват бережной руки.
Сонные дома мимо нас летят,
крепче и сильней бережный охват.
Вороной рысак и красив и лих.
Знаю, что ты ждешь первых слов моих.
Мчимся мы, и я неспокойно жду...
Жаль, не у тебя сердце в поводу!
Время заметет в памяти твой след...
Спросишь – я вздохну и отвечу: нет!

1940

* * *

Ничто, ничто не вечно под луной –
придет конец и дружбе золотой!
Подкрадется непобедимый рок
и разорвет узор наклонных строк,
что под пером плелись, как кружева,
и уничтожит силу колдовства.
И тот, кто после нас их холодно прочтет,
живого их значенья не поймет.

Ничто, ничто не вечно под луной...
Но если есть какой-то мир иной,
то в этот мир, греша иль не греша,
мы перейдем, и там моя душа
на перекрестке призрачных дорог
найдет твою! И то, что в сотнях строк
сказать мы не сумели на земле,
поймем без слов в потусторонней мгле,
и эту мглу рассеет нам с тобой
сиянье нашей дружбы золотой.

1939

* * *

Да ведь это не шутка, не жестокая шалость –
настоящее слово сорвалось невзначай!
Это значит, в тебе ничего не осталось
из того, что когда-то лилось через край.
Это значит, что к счастью нет больше возврата
и мы с этим покорно смириться должны.
Разве ты виноват? Разве я виновата?
Нет, мы оба с тобой без вины, без вины...

1942

ОРНАМЕНТ

Резко скрипнув, захлопнулась дверца
в восхитительно-тонкой резьбе...
То, что вдруг откатилось от сердца,
оказалось ненужным тебе!

Как теперь обезмолвить обиду,
если рвется она на простор?
Как поверить, что только для виду
этот сложный словесный узор?

Не сказать ли простыми словами,
что не всякий изъян поправим? –
Пусть прельщает других твой орнамент,
я – то знаю о том, что за ним!

1948

ПОД КОНЕЦ

А. И. К.

Никаких ни на что обид,
ни на чем ни малейшей тени!
Сердце правду принять готово
без труда.
Знаю, в Вас тишина звучит
пересилившим все сомненья
оглушительным медным словом
«никогда»!

Что Вам было тревожить даль
и просить у чужих разгадки,
а потом горевать над нею –
для чего?
Лучше пусть распрямит печаль
пожелтевшие писем складки:
то, что было всего ценнее,
не мертво!

Мысли в строчках и вглубь и ввысь
то заглядывали, то летели,
не ища лишь путей к низинам
бытия.
Упиваясь, не упились
долгой дружбы тончайшим хмелем
в одиночестве двуедином
Вы и я.

Порознь – вместе завершено
незадуманное творенье,
только порознь прошла земная
череда.
И теперь уже все равно,
если даже в уединеньи
медный звук гудит, повторяя
«никогда»!

1958

СЕВЕР

Я еду на север и больше сюда не вернусь.
Мне грустно. Но, Боже, нужна ли кому эта грусть?
Беспомощно сердце, нельзя не исполнить приказ!
Не все ли равно, что украдкой поплачу не раз...
Я еду на север – туда, где раздвинулись льды,
туда, где в сугробах скупые медвежьи следы,
где больше лица никогда не коснется загар,
где жмутся к пригоркам тяжелые стаи гагар,
где вечно молчанье, лишь ветер в равнинах гудит,
где небо свинцово, земля ничего не родит,
где даже репейник, простой наш репейник, и тот
на этой бессильной и мерзлой земле не растет.

Кому мне поведать мою безысходную грусть?
Настанет пора – я не плача со всеми прощусь.
Прощаясь, кого-то сорвать мне цветок попрошу
и в книге любимой на память его засушу.
И медленно тая потом средь нетающих льдов,
нет-нет и взгляну я на призрак далеких цветов,
заветную книгу при свете костра разверну –
и сердце сожмется, и сердце уйдет в тишину...

1940

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАМЯ

Ю. А. Т.

Покорилась судьбе, не боролась –
дождалась и благого конца,
как за лето налившийся колос
под серпом неизбежным жнеца.

И осталось великое горе,
и бессильно любовь замерла...
Бьется только житейское море
о торжественный мрамор чела.

Пламя свечек – последнее пламя,
что над этой зажглось красотой.
Недолга будет «вечная» память,
но воистину вечен покой!

1950

ВЕНОК

И. В. Фрей

Твоей скорби ощущаю остроту,
ей венок душою скорбною плету!
Жизнь темна, такой останется навек...
Новый крест обвил недолгий здешний снег...
На руке с твоим еще одно кольцо...
Заслонило мир прекрасное лицо,
говорящее уже без света глаз
о далеком и неведомом для нас...
Надо жить среди ненужной суеты.
Было время – было счастье: он и ты!
Как утешить? чем одобрить? что сказать?
как с прошедшим настоящее связать?

Но мне кажется, нет в жизни пустоты –
в ней по-новому, но все же – он и ты,
потому что погибают плоть и кровь,
но не гибнет совершенная любовь!

1953

ГЛАЗА

У оленя долгий грустный взгляд,
словно в нем предчувствия дрожат.
У собаки в бархатных глазах
верность безотлучно на часах.
А глаза наполнены твои
тихой безнадежностью любви.

Был такой жестокий зимний день –
и упал подстреленный олень.
Верный пес, вступаясь за своих,
от удара злой руки затих.
Ты же на чужой земле в бою
без упрека отдал жизнь свою.

Наши встречи были коротки,
их сменили редкие листки.
Что хотел, ты мне сказать не мог,
лишь печаль светилась между строк,
а потом – потом уже другой
переслал привет прощальный твой.

И в потемках лет я, как сейчас,
вижу бархат верных карих глаз.

1943

СНЕГ

Все бело.
Без остатка следы замело
под окном.

Снег да снег.
Не узнать, что прошел человек
пустырем.

Целина.
Ровно, ровно легла пелена.
Всюду тишь,

забытье.
Отчего же ты, сердце мое,
не молчишь?

Снег идет,
и тоска, расширяясь, растет
в белой мгле.

Может быть,
без любви было б легче прожить
на земле?

Седина...
не спасет, не спасет и она!
И года

не сотрут
след блаженных и жгучих минут
никогда...

1942

ПЕСЕНКА

Прости,
не грусти,
хоть недоброе сердце пророчит!
Не плачь
и запрячь
глубже боль – не помочь все равно!
Дай мне
в тишине
наглядеться в любимые очи –
судьбой
нам с тобой
слишком краткое счастье дано!

Тоска
жестока
но возьмем же, возьмем себя в руки –
потом
обо всем
будем долго, всегда вспоминать!
Вот-вот
час пробьет.
Ничего нет страшнее разлуки...
Прости!
и пусти –
неизбежное надо принять!

1940

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Так не говорил еще ни разу
он со мной. Вскочив из-за стола,
уронил в разгаре спора вазу,
ту, что я как память берегла.

И сейчас же, тон оставив колкий,
на лице изобразив печаль,
он промолвил: «Вот – одни осколки!
Виноват... мне, право, очень жаль!»

Я в ответ: «Не беспокойся, милый!»
Но всю ночь не забывала зла
и наутро то, что вазой было,
показать китайцу понесла.

Сунь Фамо у нас известный мастер,
я о нем слыхала с давних пор.
Может быть, расколотое счастье
склеить он сумеет, как фарфор?

С грустью на прилавке разложила
мелкие цветные черепки.
Сунь Фамо потер себе затылок
и надел огромные очки.

«Стоит ли чинить?» спросила прямо,
кажется с тревогою большой,
«Ничего», ободрил он, «мадама,
будет крепко, будет хорошо!»

Он пришел сегодня. – «Вот посуда
и совсем такая, как была!»
Не ждала, но в самом деле – чудо:
эта ваза снова ожила!

Горлышко, края, цветы, узоры –
все на месте. Любо посмотреть!
Только по разбитому фарфору –
скобочек серебряная сеть...

Да, сноровка и терпенье – сила!
Долог век таких сращенных ваз...
Я китайца щедро наградила,
похвалив работу много раз.

Вечером был праздник примиренья –
жизнь идет, не глядя ни на что!
Но заметив чудо обновленья,
друг вздохнул: «а все-таки – не то!»

Взгляд его стал ищущим и робким.
Я сказала: «Знаешь, может быть,
хорошо бы и на сердце скобки
так, на всякий случай, наложить!»

1942

БАТРАЧКА

Ты – вечный батрак, я батрачка.
У нас ни кола, ни двора.
Свиданье, как раньше, назначь-ка! –
Скучны без тебя вечера!

Где хочешь – в березовой роще
побродим с тобой при луне,
а может быть, лучше и проще,
придешь потихоньку ко мне?

Глаза у хозяина зорки,
да мне не нужны сторожа –
в моей подчердачной каморке
сама я себе госпожа!

Мы были так долго в разлуке,
и жаль, что чужие кругом...
Сядь рядом со мною, дай руки –
обнимемся крепко потом!

Придвинься же, милый, поближе!
Зачем ты отводишь свой взгляд?
Ах, в сердце кольнуло... что вижу –
кольцо на руке! Ты женат?

Поймали тебя, окрутили...
Я вижу издалека,
что просто тебе опостылел
всегдашний удел батрака!

Ты жизнь себе лучше устроил,
вот только забыл про меня...
Богатством своим – не собою –
тебя обольстила змея!

Ничто мне на свете не мило,
когда между нами – стена...
Но так, как тебя я любила,
поверь, не полюбит она!

Ведь даже сейчас я готова
простить твою гиблую ложь
за капельку счастья былого!
Но ты не придешь, не придешь...

1942

НЕЗНАКОМКА

Как мне называть тебя – любимым?
Нет – не то... Постой, не прекословь!
Правда, что границу перешли мы,
только тут другое, не любовь!

Там в кафе тебя я увидала
бледным, безучастным ко всему,
и до боли жалость сердце сжала,
подкатилась к горлу моему.

Ты таким, таким был одиноким!
Наклонившись думал о своем –
может быть, о промелькнувшем сроке
в неприютном городе чужом,

может быть, о том, что ехать надо
и что долг зовет тебя туда,
где кромешный мрак земного ада
западает в душу навсегда.

О, конечно, ты в разгаре боя
впереди и только впереди –
то, чем награждаются герои
не напрасно на твоей груди!

Но в тылу нужна иная смелость,
победитель нужен тут иной!
Потому-то мне и захотелось
подойти, заговорить с тобой.

Был тебе порыв мой неприятен?
За него меня ты осуждал?
Жизнь моя прошла совсем без пятен, –
я хочу, чтоб ты об этом знал!

Безутешен взгляд твой был сначала,
и тогда я сразу поняла,
что тебе так страшно нехватало
напоследок женского тепла.

А со мной ты ожил, ты оттаял –
больше и не нужно ничего!
...Твоего я имени не знаю,
да и ты не знаешь моего...

Друг от друга мы уйдем в потемки,
но теперь нам дорог каждый час...
Дай же, дай же выпить незнакомке
всю печаль из незнакомых глаз!

1942

НЕЖНОСТЬ

Всегда найдет, хотя совсем не ищет,
ответит вмиг, вопроса не задав,
зальет теплом случайное жилище,
смягчит чужой стеснительный устав.

Не даст поднять и нетяжелой ноши,
тайком цветы положит на порог,
напомнит вдруг о чем-нибудь хорошем
без лишних слов, как будто между строк.

Вне лет, стихий, пространств и изменений
ведущая мелодия – одна,
и с каждым днем звучат проникновенней
и без того глубокие тона.

Тихонько в дверь стучится неизбежность.
Трава в росе, и ночь уже близка.
О чем грустить, когда все та же нежность
другой руки касается слегка!

1952

V.

ПО САМОМУ КРАЮ

ИСТОКИ

Есть тысячи слов на земле,
неизбежно их повторенье:
Строчку любую стихов
кто-то когда-то сложил!
И все же, поэт, не молчи –
дай простор своему вдохновенью,
Пусть даже, не зная того,
ты чужое в своем воскресил!

Порадуйся встрече в веках
у истоков созвучий
С безвестной душой,
что звучала почти как твоя!
И, может быть, мысль твоя
выльется тоньше и лучше,
Приняв в себя то,
что пробилось из недр бытия!

1957

ЛИК ВРЕМЕНИ

Невидимым стоит оригинал
За видимостью маленького слепка...
Забыла, кто, когда это сказал,
Но жгучесть слов впиталась в память крепко. –
«Чтоб жизнь приять, чтоб утвердиться в ней
И время наше полюбить должны мы!»
Какой призыв! Но лика нет мрачней,
И чувство с ним в борьбе непримиримой.
Бедой грозит нахмуренная бровь,
Бескровный рот насмешка исказила...
Но говорят, берется и любовь
Высоким подвигом и всепрощенья силой?
А если в обезумевших глазах
И жалости не видно даже тени,
А если век тяжелых каждый взмах
Последнее сулит уничтоженье –
Тогда любить? Простить за все вперед
Сквозь лязг, и стон, и тьму и святотатство
И, не забыв, что все ко дну пойдет,
Своим лишь совершенством утешаться?
О, проповедник, мысль твоя жива,
Но каждый раз с моею – распри те же!
– А не изрек ли ты свои слова
Лишь потому, что в *наше* время не жил?

1957

МУДРОСТЬ

Другу – философу

С волей жертвенность сочеталась,
С прямотой острота слилась.
Смотрит стойкость, а не усталость
Из глаз.

Трудно может быть и исчислить
Все крушенья, но плоть бодра
И в глазах напряженной мысли
Игра.

В прошлом было самосожженье
И сожженье всех кораблей, –
Что ж, от этого лишь прозренье
Верней!

Не всегда одолимы тропы,
Что от бренного нас ведут.
В восхожденьи опорой опыт
И труд.

Но как часто, когда познанье
Достигает уже высот,
Верх над ним разочарованье
Берет!

Страшно видеть людей в пещере
Окруженными пустотой,
А предел всех исканий – в вере
В ничто...

Кто чрез это прошел и все же
Сделал новый труднейший шаг,
Тот о жизни судить не сможет
Как враг!

Счастье мудрости в светлом даре
Слить в гармонию быль и новь
И взрастить в себе жалость к твари
И любовь!

1957

ИМЯ

Русским быть – жестокое счастье,
Перелившееся через край,
Но и в крестной горчайшей страсти
Ты хвалу за него воздай!

Береги больше жизни имя,
Что дала, породивши, мать:
И над безднами роковыми
Вековечно ему сиять!

Встречен холодом недоверья,
Им себя ты не отрави
И исполнись, томясь в преддверьи,
Чистой гордости и любви!

Одиночества боль изведай,
Став предтечей иных времен!
Если ты не венчан победой,
То страданьем превознесен!

1957

КРЫЛЬЯ

Суд свое слово когда-нибудь скажет,
Только уже после нас...
Совесть – в покое. Верность – на страже.
Горе – не напоказ.

Где бы мы ни были, всюду пред нами
Родины пламенный лик.
Слава тебе, неотступная память,
Жизни бесплотный двойник!

Тысячи тысяч – мы сердцем единым
Клад наш сумели сберечь. –
Слава высотам твоим и глубинам,
Дивная русская речь!

Спаяно крепко грядущее с былью.
Родина в горе родней. –
Пусть же растит свои светлые крылья
Мысль, обращенная к ней!

1957

СТИХИ О СВОБОДЕ

Можно обойтись без многого,
Сжаться в ком, себя урезать в пище.
Коль придется и медвежье логово
Обратить в случайное жилище,

Можно бросить и друзей и почести,
Взяться за работу не по силам,
Изнывать в жестоком одиночестве,
Без того, что раньше было милым,

Можно жить с глухими и незрячими
И привыкнуть к деревянным лицам,
Можно в вечных стычках с неудачами
Все же до конца не надломиться –

Надо только, чтоб в дороге голову
Окружал бодрящий ясный воздух,
Чтобы взор от странствия тяжелого
Отдыхал на солнце и на звездах,

Чтоб могли отстроить руки наново
Жизнь светлей на опыте ошибок,
И чтоб сердце в выборе желанного
Не давила каменная глыба!

1957

РАЗУМ

Спроси – на все ответ тебе готов:
Людская мудрость все предусмотрела!
Века полны глубоких, веских слов,
Нанизанных и связанных умело.
  Но в них ли дело?

С каких сторон к чему ни подойдешь,
Все кем-то, где-то сказано когда-то.
В руках анатома не отдыхает нож,
И бытие до нервов им разъято.
  И то, что свято!

Накоплены и копятся давно
По-разному решенные задачи,
Но перед тем, что не разрешено,
Богатство это так немного значит!
  Сфинкс тайну прячет.

И так доныне мирозданья князь
Во всеоружьи опыта земного,
К познанию столетий приобщась,
Не утолен и ищет, ищет снова...
  В пределах слова!

1957

СЛЕДЫ

Какая простота в последней сложности!
Как разрешает все прикосновенье
Острейшего клинка к тому узлу
Из трепетных надежд и безнадежности,
Из целости и раздвоенья,
Из частых смен земного тяготенья
К добру и злу!

Ведь только миг, единый миг бездонности –
И то, что было хрупко и громоздко,
Светло, темно, легко и тяжело,
Сравняется в своей незавершенности
С забытым неоконченным наброском,
И скроются под маскою из воска
Добро и зло...

Не проследить, где пересеклась линия,
Не уловить ни сердцем, ни глазами
Как Сила сил дух с телом разняла...
А жизнь идет! А мир не стал пустынею!
Растет трава... и реже вьется память
Над кое-где заметными следами
Добра и зла!

1957

«ДОСТОЕВСКИЙ В НИШЕ»

В. П. Барсову

...И что-то откололось где-то
От монолита тишины...
Принес мне счастье дар поэта,
Как месяц с правой стороны?

Дни долго-долго были хмуры
И вечера лишились крыл...
Не гений ли из амбразуры
Волненьем душу озарил?

Он тоже знал изнеможенье,
И боль, и двойственность, и страх, –
Не потому ль благоволенье
Мне в острых чудится глазах?

Он все поймет – ему не диво,
Проникнет в горечь всех отрав
И даст ответ мне молчаливо,
Мои вопросы разгадав...

1958

ВЕЧНОСТЬ

Что такое – миг? Что такое – год?
Что такое просто – наше время?
В жизни все придет, в жизни все уйдет.
Как и мы уйдем... уйдем за теми.
        Кто был всем для нас
        И навек угас.

Опадает лист. Умолкает звук.
Оплывают свадебные свечи.
Друга навсегда покидает друг,
И потом уже заполнить нечем
        Страшной, неживой
        Пустоты немой.

Но пока мы здесь, есть у нас одно
Вечное, как солнце, достоянье:
Нам на черный день в собственность дано
Вместо тленных благ воспоминанье.
        В нем и только в нем
        Вечно мы живем!

СИЛА СЛОВ

Вдруг появляются стихи
Вот так... Из ничего.
Георгий Иванов

На увяданье – ни намека!
В последней зрелости – расцвет...
– Ушел волнующий глубоко
Большой мучительный Поэт!

Он не жалел чужих иллюзий
И мог своими пренебречь,
Но оставалась верной музе
И желчью политая речь.

Поэт злых истин без покрова,
Поэт жестокого смешка –
Он груз отчаянья земного
Собрал, как будто, за века.

Но если вдруг почти небрежно
Меж строк умышленно-сухих
Бросал он горестно и нежно
Любовью окропленный стих,

И если сдержанная жалость
Чуть-чуть приоткрывала лик –
Как благодарно загоралось
Любое средце в этот миг!

Одни придут другим на смену,
Но остается колдовство
Творить высокое из тлена
И красоту – из ничего!

ПАМЯТИ ПОЭТА

– Кого проводили? Жалеют о ком? –
Шумят кипарисы над новым крестом.
– О чем говорят? Кто кому не помог?
Чей слышится в воздухе полуупрек? –

По-новому те же волнуют слова.
По-старому сердце в плену мастерства.
И горе вздыхает кому-то вослед,
Что строфы остались, а Мастера нет...

Цветущая слава еще расцвела.
Вот только бы раньше побольше тепла!
Но жесткий обычай непреоборим:
Чувствительность – мертвым, нечуткость – живым!

1959

ЛАДОНКА

Было время свыкнуться и с этим:
Никому не люб незванный гость!
Навидались разного на свете,
Наскитаться до сыта пришлось...

Гибли страны. Умирали люди.
Разрушались зданья, очаги.
Хлеб слезами смоченный был скуден.
Были неуверенны шаги.

Жизнь одну спасти еще рвались мы
И в тупом отчаяньи, без слов,
Все бросали... И горели письма,
Дневники и кружево стихов...

Растерялись в долгом бездорожьи
Все остатки прежнего житья,
И почти не верится, что все же
Уцелела ладонка твоя.

Надо жить, хотя живешь без толку
Тихой, неприкаянной, чужой.
А в мешочке крохотном из шелка –
Горсть земли... она везде с тобой!

Может быть, ты перейдешь границу
Дней земных, тоски не утоля,
И тебе как символ пригодится
Лишь в гробу заветная земля...

Но пока еще ни хмелем строчек,
Ни страданьем ты не упилась,
Этот с пылью родины мешочек
Меж тобой и ею – связь!

1959

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ

В магическое тесное кольцо
Вместилась жизнь вот тут, передо мною:
В оправе на столе умершее лицо,
А рядом с ним, как в зеркале – другое.
И странным кажется, что то еще живет.
Тогда как это стало только тенью.
И тихо колет мысль, что недалек черед
Какого-то еще преображенья...

ОСЕННЯЯ ПОРА

Как хороша земля порой осенней!
В ее красе непрочной улови
Последний жар последних вожделений
Глубокой, поздно вспыхнувшей любви!

От встреч с теплом, от солнечных касаний
Идет волна предчувствий и истом.
Звучнее высь и даль благоуханней
И яркость осязательней кругом.

Червонный блеск... багряность... медь и зелень...
Жемчужные ковры в голубизне...
Осенний пир – а глаз еще не хмелен,
Все пьет настой из красок и огней!

Прерывист ток чуть слышимых мелодий.
Сорвался лист. Упал созревший плод.
И что-то в умирающей природе
О новых воплощениях поет.

Расцвет и смерть: таинственная смежность
Цветков различных на одном стебле...
И сердце через край переполняет нежность
К прекрасной в обреченности земле!

1959

РУССКАЯ ДЕВУШКА

Если бы ты взаперти жила
Вне времени, вне обстояний зла
В какой-то дремоте сладкой
Под сказы о лучшем из прежних лет,
Держась только тем, чего больше нет,
Ты не была бы загадкой!

Если бы дни доживала ты,
Чуждаясь под старость земной тщеты,
Врачуя свою усталость
Настоем из мудрости всех эпох,
А нашей даря сокрушенный вздох,
Разве бы я удивлялась?

Но ты не на склоне, ты вся – подъем,
И жизнь жестких линий на лбу твоем
Еще прочертить не успела!
Доступна извне и злу, как добру,
Ты зябко не гнешься на резком ветру
И ловишь познанье смело.

Ни верной ограды, ни крепких замков!
И город – губительней всех городов –
Наводит волшебный морок...
Но помыслы чисты, но воля трезва,
И память запрятала чьи-то слова
О мире, что странно-дорог.

Раздумье о чуде ведет к корням:
Кровь тайно о предках вещает нам!
Все крепкое – кость от кости.
Какой же мне проблеск в печали дан –
Увидеть правнучку родных татьян
В цветущем духовном росте!

1959

ТРИ ЕЛИ

Василию Барсову

Бывает, что в целом стихотвореньи
Одна только строчка вопьется в память,
Живя и волнуя.
Какое ж воздать нам благодаренье –
Какими растроганными словами –
За строчку такую?

И с этой вот радостной акварели
Доверчиво что-то метнулось сразу
Ко мне в объятья.
Три верные в дружбе погодки-ели,
Бог весть, почему полюбились глазу
Своею статью.

Быть может, в задумчивом их покое
Почудилась данная свыше милость
За их смиренье?
А может быть, просто свое родное
За ним далеко скрылось
И стало тенью?

Кто свяжет концы всех незримых нитей
В каком-то не нашем, ином порядке
У врат, у целей?
Когда-нибудь вдруг на путях наитий
Раскроется символ, а с ними загадка
Трех елей!

1960

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ

Не отнимай раз данного кому-то,
О щедрости душевной не жалей –
Осколки дружбы бережно окутай
Печальной благодарностью своей!
Для редких встреч пустыня стала фоном,
Из трещин слов пробились всходы лжи...
Но память о ничем незамутненном
Ты золотым шнурком перевяжи!

Повторяем, сами в это не веря,
За кем-то другим, что жизнь – только сон,
А каждый день безнадежно потерян
Или приобретен...
Испытующе – прям, и глубок и зорок
За изгибами сердца следящий взгляд,
И тебя твои стены из отговорок
Не защитят!

1960

АРХИВ

Таисии Баженовой

Липкой пылью покрыли годы
Вышки писем, пласты газет.
Ты по ним добралась до входа
В мир, которого больше нет.

Хорошо в устарелом рыться –
Часто нового много в нем!
Полувыцветшие страницы
Шепчут вдумчиво о своем.

Хорошо у каких-то граней,
Отодвинув тугой засов,
Быть готовой и ждать свиданий
С воскрешеньем забытых слов!

Пусть разрозненные анналы
Свяжут память и тишина!
Сколько же – тех, кого ты знала:
Тут портреты, там имена!

Про надежды, труды, крушенья
За столбцом говорит столбец –
Неспокойно еще биенье
Послуживших добру сердец.

Ждало прошлое терпеливо
Встречи с жизнью, назло судьбе
И ведь ляжет на дно архива
Как ненужное и тебе!

Оттолкни от себя усталость
Сбереженным комочком сил,
Посмотри, что еще осталось:
Письма тех, кто тебя любил.

Бисер строчек, штрихи нажима –
Неостывшую речь руки
Повторяют неповторимо
Распрямившиеся листки.

Ты подумай, что письма жили,
К роковому готовясь дню –
Не предай их архивной пыли,
Лучше с грустью доверь огню!

1960

МАСТЕРСТВО

Не кружева,
Не камни драгоценные,
Не редкие тепличные цветы –
Слова, слова
Совсем обыкновенные,
Но сильные геройством простоты!

Давно наш глаз
Прельщает не блестящее,
Давно наш слух не громкому открыт –
Пусть без прикрас
Живое настоящее
Одним касаньем чувству говорит!

Скромней размах,
Уменье изощреннее:
Столетий тень глядит из-за угла!
И на устах
Порою хруст иронии
Чтоб жалость незамеченной прошла...

Так много ран,
О них – тепло, но сдержанно...
Свой стон, свой крик у каждого рубца!
Не все – обман,
Не все еще повержено,
И главному не может быть конца!

1960

ДВЕ СЕСТРЫ

Памяти Бориса Пастернака

Жизнь сестрою ему была,
Как святому Франциску когда-то
И вокруг неживого чела
Разбросала подарки богато.

В шум зеленый, в таинственный гул
Вторглась музыка цвета и роста.
Балдахин синевы протянул
Русский май для него до погоста.

В этот день целый мир деревень
Воплотился в одной подмосковной.
Колокольчики, ландыш, сирень
Улыбались поэту любовно.

И салютом тому, кто всегда
Сам вливался в струю трудовую,
Громыхали вблизи поезда,
И людей и пространства связуя.

Одиночества тяжкий покров
Разорвался под натиском горя.
Благодарность молчаний и слов
Разлилась в человеческом море.

Будет завтра светлей, чем вчера,
Не заглохнет растущая сила!
Смерть, поэта другая сестра,
Не к бессмертью ль его приобщила?

1960

СОЗВУЧНОСТЬ

Е. К. П.

Бледно-розовые цветы,
Среди них лист заметно вялый.
К граням лета подходишь ты,
Я, крепясь еще, жду финала.

К чуть свернувшемуся листу
Тесно свежесть цветка прижалась,
И созвучный узор плетут
Жизнетворчество и усталость.

Шопот с шопотом – как друзья,
Глубина глубине открылась,
И над разностью бытия
Воспарила единокрылость.

Пусть с соседних гудит вершин,
Что касанья такие редки,
Но и корень у нас один
И пьем сок мы из той же ветки!

1961

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Никому не расстравляя ран,
Никого не поминая лихом,
Ты идешь чрез свой последний стан,
А кругом все тихо, тихо, тихо.

Ветра нет. Улегся снежный прах. –
Не пора ль, переборов усталость,
Подобрать все то, что на буграх
По дороге в спешке растерялось?

Подбери, скорее подбери,
А не то не сможешь, не успеешь –
У вечерней северной зари
Взмах ресниц из мига в миг слабее.

1961

ОТСРОЧКА

За избыток ли долготерпенья,
За прадедовскую ли крепь,
Только ввинчены новые звенья
В поврежденную ржавчиной цепь.

И они, и они – не из прочных,
Но чуть-чуть кое-что удлинят.
Срок предвидений грустных и точных,
Видно вычислен был невпопад.

Дар смиренно приемлю и верю:
Что-то надо еще довершить!
Предстоянье у страшных преддверий
Это – верная проба души.

1961

БЛИЗОСТЬ

Борису Константиновичу Зайцеву

Она вот тут, в наклоне головы
Над тем листом, который только начат...
Ряды колючей проволоки, рвы,
Надежды тень, что лик в ладони прячет.
Предвестия свершений мировых,
Довлеющие дню свои задачи
От Близкой вдалеке не отвлекут:
Без колдовства Она все время тут!

Давно, давно... Но сроков больше нет,
Они сдались, их победило слово!
Не для него защитный парапет
От призраков непоправимо-злого,
Оно мельчайший паутинный след
Узорно-тонко воссоздать готово,
Оно как полноводная река,
Раз на плече лежит Ее рука.

Она во всем не такова, как все,
До сей поры – непознанное диво!
Сравненья нет мучительной красе
С красой Италии и Франции счастливой:
То кроткая, в молитвенной росе,
То в дерзости кощунственного срыва,
То в трудной многосложности своей
Царит над сонмом плодотворных дней.

Из глубины приходит, не извне,
Отточенное тщательно и строго.
Лист за листом ложится к стороне,
Их было в жизни – вместе сшитых – много!
А новое со старым наравне
От первых строк до точки эпилога
Прочтут свои... И грусть подняв со дна,
Почувствуют, что тут вблизи ОНА!

1961

МУЗЫКА РИСУНКА

В. П. Барсову

Звучных линий переплеты,
Интервалы и штрихи...
Кем положены на ноты
Неизвестные стихи?

Шелест кружев, зыбкость тканей,
Листьев мнимая игра –
Недвижимость нарастаний
В тонкой магии пера.

Камни, шепчущие саги,
Затянули время в сеть...
Сколько может лист бумаги
Дивных песен перепеть!

И в сегодняшней оправе
То, что кажется сухим,
В баркаролу переплавят
Смелый росчерк и нажим.

В черно-белом, в бело-черном
Непростая простота!
Дверца в мир ключом мажорным
Под сурднику отперта!

1961

* * *

Рассеется звук
Имен, и фамилий, и отчеств...
Не надо потуг
Бодрящих и смелых пророчеств!

Прошла череда
Простительных раньше гаданий.
Мудра и тверда
Рука, проводящая грани.

Вот-вот упадут
Не накрепко вбитые вехи
Часов и минут,
Суливших труды и успехи.

В строку из строки
За тернием тянутся розы.
Но как жестоки
Посмертные апофеозы!

Спокойным умом
Охватим же будущность нашу:
За нами потом
Следы много раз перепашут!

Земля утрясла
Развалины царственных зодчеств...
Побольше тепла –
Поменьше отважных пророчеств!

1961

ПОСЛЕДНАЯ МУЗА

Славлю пору Эллады, чудесами богатую,
Напоившую мир до краев бытия.
Девять муз знали греки, я знаю десятую:
Эта муза недавняя – только моя!

Не приходит она вечно-юною девою
В складках чуждой одежды, с кудрями до плеч,
Чтоб скорее трепещущий призрак напева
Плотью слов равнозвучных сумела облечь.

Просто кто-то безликий, загадкою мучая,
В обрамлении ночи является мне
И безудержно шепчет про самое лучшее
Что и было и будет в подлунной стране.

И минута скользит в темноте за минутою,
Придвигая дарованный срок к рубежу.
– О, поверь, моя гостья, я не перепутаю –
Все в размеренность строчек потом уложу!

Опираясь на локоть, подушку искомкаю
От восторга, что снова живу и творю...
И усну, попрощавшись с моей незнакомкою,
Не желающей встретить со мною зарю.

Встанет день – встану я и вздохну неуверенно...
Наготове лежат карандаш и тетрадь.
Что писать? Как мне быть? – Все бесследно
растеряно
И нельзя ничего подобрать!

1961

ВОСЛЕД УШЕДШЕМУ

Несколько строчек в траурной раме:
«Был... отстрадал... изнемог...»
В жизни не вечная – светлая память
Вьет человеку венок!

Вечность не здесь, не забудем об этом!
Как ей пребыть среди нас?
Пусть же земным озаряется светом
Память о том, кто угас!

Все чередуется: счастье и горе,
Встречу сменяет уход. –
Пусть слишком скоро житейское море
Облик живой не зальет!

Пусть эхо слов воскресит не искусство
Записи звуков земли,
А неподдельное теплое чувство
Тех, что еще не ушли!

1977

* * *

Как найти среди многих дорог
Только ту, на которой – не сбиться?
Как вопросов тревожный приток
Оттеснить до последней границы?

Кто смягчит исполинский размах
Неприметно настигшего горя?
Кто поможет склониться во прах,
Не дыша, но смирясь и не споря?

Распрямись, крохи сил собери,
Принимая страданье как милость! –
Есть таинственный стержень внутри,
Чтоб душа твоя не надломилась!

1978

VI.

О ЧУЖОМ

Беррис бар. ф. Мюнхгаузен

ВЕДЫ

Тенью хижины от солнца защищенный
На земле сидел Джабал Премудрый.
Он ушел в себя, молчал и думал,
Свитки древних книг перебирая
Под немолчный древний рокот Ганга...
Вдруг песок зашелестел.

«О, Джабал, премудрым ты зовешься!
«Помоги, Джабал, покой найти мне,
«Помоги спастись от жизни бурной,
«Что кипит и пенится у трона! –
«Мой отец – владетельный Саткама,
« Я ж – царевич Могассам!»

Заглянул Джабал пытливо в очи
Юноше и ласково промолвил:
«Гостю у меня готов подарок,
«Я скажу как сердце успокоить!
«Сын мой, Веды медленно прочти ты
«И как лотос будешь тих!»

Могассам сумел уединиться.
Дух его тотчас пустился в путь
Через джунгли книг для посвященных.
Зам, Джедир прочел он, и Ригведы
И Атарву – книгу заклинаний
И читал семь долгих лет.

У порога хижины, как прежде,
На земле сидел Джабал Премудрый.
Могассам, семью годами старше,
Подошел к нему с улыбкой гордой:
«Твой совет, учитель, я исполнил –
«Веды знаю я!»

Поглядел Джабал пытливо в очи
Могассаму и сказал печально:
«Как, ты мнишь, что знаешь смысл сокрытый
«Книг священных и гордишься этим?
«Прочитай еще раз, в суть их вникни
«И приди – я буду ждать!»

Могассам уселся на циновке,
И пустились очи снова в путь
Через те же Зам, Джедир, Ригведы
И Атарву – книгу заклинаний.
И семь лет читал он со вниманьем
То, что раз прочел.

Тенью хижины от солнца защищенный
На земле сидел Джабал усталый.
Могассам, еще на семь лет старше,
Подошел к нему и молвил мрачно:
«Грустно жить, Джабал, на этом свете
«С мудростью веков!»

А Джабал опять вгляделся в очи
Могассама и сказал с улыбкой:
«Ты печаль нашел в священных книгах,
«Так поди и радостным стань снова!
«Прочитав еще раз наши Веды –
«Будешь исцелен!»

Могассам послушно удалился.
В третий раз пускается он в путь
Через книг чудовищные дебри!
В третий раз семь лет читал он Веды
И тогда постиг остывшим сердцем
Смысл великих слов.

Минул срок и Могассам подходит
К хижине бамбуковой Джабала.
Никого в тени он не увидел –
Семь уж дней, как место опустело,
Где наставник жил и размышлял –
И заплакал он...

С той поры на том же самом месте
Водворился Могассам Премудрый.
Он сидел в тени ни горд, ни скорбен
И под неумолчный рокот Ганга,
Бережно разглаживая свитки,
Книги Вед читал.

Перевод М. В. 18.2.1968

БЕССМЕРТНОЕ СЕРДЦЕ

I

Какой-то журнал я взяла, не глядя,
Чтоб только заполнить часы ожиданья,
И вдруг со страниц прошлогодней тетради
Повеяло древним очарованьем.

Кто строфы Египта извлек из-под спуда?
Кто ребус письмен разгадал умело?
Но верю, что подлинно это чудо
Явления жизни из-за предела!

Не вижу случайных своих соседей,
Томящихся в скуке вдоль стен приемной:
Следы занесенных судьбой трагедий
Кой-где проступили над бездной темной.

Встают во весь рост распрямляясь тени,
Под бронзою кровь оживляет лица,
И то, что довлеет над властью тленья
В иную эпоху спешит пробиться.

Прохладой кадят красоте опахала,
Любовь ей поет горячо и внятно:
Забытая тайна молчать устала,
И вечность на миг потекла обратно!

«Ах, что я – Гекубе и что мне – Гекуба?»
Кого кто любил, не все ли равно мне?
– Усмешки растерянно ищут губы,
А ловят созвучья, чтоб их запомнить...

II

«Я б хотел быть рабыней твоей,
Вымывающей липкость мастей
Из покровов твоих ароматных,
Чтоб недавних касаний места
Опьяненные зноем уста
Целовать могли тысячекратно!

«Я хотел бы в смиреньи своем
Быть сандальи твоей ремешком,
Обнимающим выгиб подъема,
Чтоб изнеженной кожи тепло
Целый день в мои жилы текло,
Наполняя безумца истомой!

«Я хотел бы в последней тоске
Перстнем быть у тебя на руке
С дорогим именным начертаньем,
Чтоб, к губам приближая печать,
На меня ты могла подышать
Мимолетным, как счастье, дыханьем!

III

«В ее орбиту не войти мне, –
Она, она вошла в мою!
В каком же вдохновенном гимне
Я обреченность изолью?

«Законы рока непреложны,
Намечен путь светил и встреч,
И бедным смертным невозможно
Себя над бездной оберечь...

«Необозримая стихия,
Неси, ломай меня и мучь,
Бросай в провалы мировые
С тоскою опаленных круч,

«Топи в рыдающей пучине,
Взметай обратно в вихре брызг,
Гони безжалостно в пустыни,
Где ждут дракон и василиск,

«Восторгом бренности исполнил,
Пронзи отчаяньем земли
И на огне последних молний
Ты сердце мне испепели!»

IV

Это сердце пламенно любило
Тридцать пять веков тому назад,
Оттого такой нездешней силой
Отголоски чувств еще звучат.

Даже в бедных строчках перевода
Неподдельный слышится экстаз!
Чья-то страсть, ища в словах исхода,
В бесконечность лавой пролилась.

Кто он был – непризнанный влюбленный
Из страны, где льется вечный Нил –
Воин? жрец? наперсник фараона?
Чем он был прославлен? как он жил?

А теперь иссохший, цвета глины,
Тканью просмоленною повит,
Напоказ средь утвари старинной
Где-нибудь в музее он лежит...

Есть ли что грубей и неуместней,
Чем отнять для ярмарки покой
У того, кто покорил нас песней
И неупиваемой тоской?

Нам давно наука возвестила,
Что бессмертья смертным не дано...
Но любви сверхжизненною силой
Время может быть побеждено!

1955

FORUM ROMANUM

А. И. Калугину

Строгое изящество колонн,
Словно вспоминающих о храме –
В мраморе запечатленный сон
О веках, оставшихся за нами.

Проросла в развалинах трава,
Обвалились царственные своды,
И искусство борется едва
С торжеством безжалостной природы.

Но пройдут года, еще года
И подточат все, что уцелело,
И до жизни стертой без следа
Никому потом не будет дела...

Навсегда умолкнет речь камней,
Может быть, забудутся преданья...
Отчего ж до боли близко мне
Этих вот руин очарованье?

И хотя все тлен и суета,
Сердце бьется сладко и тревожно.
Господи! какая красота
В мире с древних пор была возможна!

Как же тонко видел смертный глаз,
Как высоко возносился гений,
Если нас волнует и сейчас
Совершенство гибнущих творений!

И пускай, пускай нам не дано
Жить хотя бы в мраморе до века –
Сердце благодарное полно
Гордостью за человека!

1939

РИЛЬКЕ

Он был открыт всему. И моего народа
Очарованье радостно постиг!
Но отстранясь от лести перевода,
Он точно врос, внедрился в свой язык.

Будь другом с ним – и сразу нежной станет
Тяжелою казавшаяся речь.
Какой наплыв нежданных сочетаний
И блеск какой в игре словесных встреч!

Он не для всех, скорее – для немногих:
Неповторим, изыскан и глубок.
Таких тонов о смерти и о Боге
Еще никто из лиры не извлек!

Он тень и тело видел в каждом слове,
Угадывал в разорванности связь
И в плотском до предела был духовен,
А тьму и хаос слушал, весь светясь.

Вблизи, вдали, маня и ускользая,
Переливаясь в гранях мастерства,
Тончайшей вещностью переполнял до края
Он образы, и краски, и слова.

В угрюмом обескрылевшем столетьи
На нашей памяти жил избранный поэт –
Пришел, прошел, прошелестел, как ветер,
Оставив то, чему названья нет...

1956

АССИЗИ

Вверх по склону стройно-недвижимо
Восхожденье храмов и жилищ.
Слава граду! слава пилигримам!
Слава всем, кто тих, и добр, и нищ!

Не одно искусство в сочетаньи
Стен, аркад, решеток и перил –
Чей-то образ кротким обаяньем
Поднял все и дивно претворил.

В символы развоплотилась внешность,
Зримое прозрачность обрело,
Время победившая нездешность
Над земным раскинула крыло.

До сих пор почти не тронут новью
Свыше охраняемый мирок,
И к пришельцу быль средневековья,
Словно друг, выходит за порог.

Здесь такую власть имеют тени,
Здесь так громко камни говорят,
Что природы и ее творений
Углубленный не заметит взгляд.

Непрерывно-льющимся хоралом
В освященном Граде стало все.
Не тщете своим тлетворным жалом
Отравить сердца и бытие!

Вместе люди, ангелы, мадонны,
Сонм святых в хитонах и плащах…
О, как просто с верой неуклонной
Умирать и жить, не трепеща!

Семь столетий длившееся чудо
Сможет ли в дни наши устоять?
– Береги же взятую оттуда
Просветленной грусти благодать!

1962

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях мы указываем, где уже опубликованные стихотворения печатались впервые.

Сокращения:
НЖ – Новый журнал
РМ – Русская мысль

I. ТАК ЗНАЧИТ ЖИТЬ?

Весы – НЖ, 1983, № 152, с. 108, разн.
Подруга – НЖ, 1983, № 150, с. 105, разн.
Грусть – НЖ, 1983, № 152, с. 108
Фиалка – РМ, 21.5.1952, № 451, с. 5
На грани – РМ, 2.6.1956, № 907, с. 5, Содружество, с. 124
В скиту – РМ, 22.9.1956, № 955, с. 4
Кумиры – РМ, 26.1.1956, № 852, с. 5
«Есть лица бледные...» – РМ, 6.8.1957, № 1091, с. 5
Лепестки – РМ, 11.6.1957, № 1067, с. 5
Эпоха – РМ, 29.5.1958, № 1218, с. 4

II. ЧТО В ПАМЯТИ ЖИВО

На сопке – Сибирский казак, 1941, № 2, с. 264, без загл., разн.
Костяника – Сибирский казак, 1934, № 1, с. 259, под загл. «Акмолинское лето», разн.
Страна отцов – Сибирский казак, 1941, № 2, с. 264/5, под загл. «В стране отцов», разн.
Поэт – РМ, 31.3.1956, № 880, с. 5
Фамильное кольцо – РМ, 29.10.1957, № 1127, с. 4
На крылце – РМ, 13.10.1960, № 1590, с. 6
Темная печать – РМ, 28.6.1958, № 1231, с. 5
«Не страшно то, что нет...» – Возрождение, 1955, № 37, с. 51, НЖ, 1982, № 149, с. 36
Поэма о сестре – РМ, 17.12.1955, № 835, с. 5
Книжный шкаф – РМ, 14.1.1956, № 847, с. 4

С другой планеты – РМ, 14.2.1956, № 8601, с. 5
В долгу – РМ, 11.10.1960, № 1589, с. 7
«Не будет печалей...» – НЖ, 1982, № 147, с. 17
Родине – РМ, 31.12.1955, № 841, с. 5

III. МИНУТЫ И ГОДЫ

Несбывшиеся мечты – Содружество, с. 125, НЖ, 1982, № 149, с. 36, разн.
Иллюзия – РМ, 28.2.1957, № 1023, с. 4, Содружество, с. 123
Миф – РМ, 20.12.1955, № 836, с. 5
Жизнь – РМ, 11.10.1956, № 963, с. 5
Невозвратное – РМ, 2.10.1956, № 959, с. 4
«Радость не льется...» – РМ, 15.12.1956, с. 5, НЖ, 1982, № 148, с. 7
Лампада – РМ, 29.5.1956, № 905, с. 5
Утро – РМ, 18.9.1956, № 953, с. 5
На заводе – РМ, 25.9.1956, № 956, с. 5
Без тишины – РМ, 6.3.1956, № 869, с. 5
Муза – РМ, 21.2.1956, № 863, с. 5
Дружба – РМ, 29.9.1956, № 958, с. 5, Муза диаспоры, с. 130
Время – РМ, 23.10.1956, № 968, с. 5
Ларец – РМ, 8.7.1958, № 1235, с. 5, без загл.
Трепет – РМ, 1.3.1956, № 867, с. 5
Комья земли – РМ, 31.5.1958, № 1219, с. 5
Минуты и годы – РМ, 27.9.1956, № 957, с. 5, под загл. «Мгновенье и годы», разн.

IV. СЕСТРЫ ВДАЛИ И ВБЛИЗИ

Прабабка – РМ, 10.6.1958, № 1223, с. 4, Содружество, с. 128/9, Литературная газета, 21.3.1990, № 12, с. 6
Под конец – РМ, 24.10.1959, № 1438, с. 6
Глаза – РМ, 4.10.1960, № 1586, с. 6
Неосторожность – РМ, 13.9.1960, № 1577, с. 6
Нежность – Содружество, с. 127

V. ПО САМОМУ КРАЮ

Лик времени – РМ, 3.10.1957, № 1116, с. 5
Мудрость – РМ, 17.10.1957, № 1122, с. 5
Имя – РМ, 20.4.1957, № 1045, с. 5
Крылья – РМ, 20.4.1957, № 1045, с. 5, вместе с предыдущим стихотворением под общим загл. «'Русской мысли' в день юбилея»
Стихи о свободе – РМ, 26.3.1957, № 1034, с. 5
Разум – РМ, 9.3.1957, № 1027, с. 5
Следы – НЖ, 1982, № 146, с. 86
«Достоевский в нише» – РМ, 8.9.1960, № 1575, с. 4
Вечность – НЖ, 1982, № 148, с. 6
Сила слов – НЖ, 1982, № 148, с. 5, без загл.
Перед портретом – РМ, 7.3.1957, № 1026, с. 5, НЖ, 1982, № 148, с. 7
Русская девушка – РМ, 12.10.1957, № 1120, с. 5
Три ели – РМ, 7.11.1959, № 1444, с. 5
Два восьмистишия – РМ, 10.9.1960, № 1576, с. 7, разн., НЖ, 1982, № 148, с. 7 (только первое стих.)
Архив – РМ, 8.9.1960, № 1575, с. 4
Мастерство – РМ, 1.10.1960, № 1585, с. 6, Содружество, с. 122
Близость – РМ, 16.3.1961, № 1656, с. 7
«Рассеется звук.. .» – Содружество, с. 126
Вослед Ушедшему – РМ, 6.7.1957, № 1078, с. 4
«Как найти среди многих...» – НЖ, 1983, № 150, с. 105

VI. О ЧУЖОМ

Рильке – РМ, 20.9.1956, № 954, с. 5

Некоторые сведения к посвящениям (по личным бумагам Волковой):

Таисия Баженова (Постникова) – сибирская поэтесса. «Мой милый дорогой друг.»

В.П. Барсов – критик

С.П. Иваницкий – «Переписывались лет 30. Один раз был у меня с Элей (ср. Павлова).
Интересный многосторонний человек.» В др. месте: «большой почитатель моих стихов».

А.И.Калугин – «Это мой большой заочный друг. Очень интересный ‹собеседник›. Эрудит. Все уговаривает меня поспешить с изданием стихов. Переписывались больше 40 лет.» В др. месте: «мой меценат».

Е.В.К. – Евгений Васильевич Кравченко

Е.К.П. – Елена Константивна Павлова, дочь филос. писательницы и журналистики Надежды Федоровны Никифоровой, племянница С.П. Иваницкого.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сборники стихов, вышедшие отдельным изданием:

Песни родине, Харбин 1936
Стихи, Париж 1944

Отдельные стихи вышли в следующих литературных сборниках, журналах и газетах:

Муза диаспоры, Франкфурт-на-Майне 1960
Содружество, Вашингтон 1966

«Возрождение», Париж, №№ 37, 39 1955, № 95 1959
«Литературная газета», Москва, № 12, 21.3.1990
«Новый журнал», Нью-Йорк, № 53 1958, №№ 146–149 1982, №№ 150, 152 1983
«Родимый край», Париж, № 5 1955, июль-август 1958, сентябрь-октябрь 1958
«Русская мысль», Париж, около шестидесяти стихов в разных номерах 50-х – 60-х годов
«Сибирский казак», Харбин, № 1 1934, № 2 1941
«Современник», Торонто, № 33–34 1977, №№ 37–38, 39–40 1978, № 43–44 1979, № 45–46 1980

Рассказы в журналах:
«Сибирский казак», Харбин, № 1 1934, № 2 1941
«Возрождение», Париж, № 40 1955

Волкова о себе:
Содружество, Вашингтон 1966, с. 515

Статьи о Волковой:
Валин Е.: «Памяти почивших» (некролог),
«Русская жизнь», Сан-Франциско, 17.3.1983

Рудинский В.: «Красота самоомотречения», «Возрождение», Париж, № 58 1956, с. 145–148, он же: «Царство небесное дочери России» (некролог), «Наша страна», Буэнос-Айрес, № 1705, 26.3.1983, с. 4

Туроверов А. (Рецензия «Содружества»), «Родимый край» Париж, № 70, май-июнь 1967, с. 41

Упоминается в кн.:
Краснов П.Н.: На рубеже Китая, Париж 1939
(с. 96–98: Вячеслав Иванович Волков)

Bibliography of Russian Emigre Literature. 1918–1968.
2 vol. Boston 1970 (ed. by L.A. Foster)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ стр.

СОДЕРЖАНИЕ

II. ЧТО В ПАМЯТИ ЖИВО

III. МИНУТЫ И ГОДЫ

IV. СЕСТРЫ ВДАЛИ И ВБЛИЗИ

V. ПО САМОМУ КРАЮ

VI. О ЧУЖОМ

Первое собрание стихотворений Марии Волковой (1902–1983) составлено самим автором. Творчество выдающейся сибирской поэтессы давно признано среди знатоков русской эмигрантской литературы. Кроме двух маленьких сборников, появившихся в печати в 1936 и 1944 годах, ее стихи распылились в газетах, в журналах и в антологиях Запада.

Целью данного издания является попытка открыть творческий мир Марии Волковой как можно более широкому кругу читателей, познакомить их с чистотой ее поэзии и с добротой ее мысли.

... Мария Волкова действительно жила стихами, они хранили ее родную речь и ее мысль. Доброта и сила этой мысли, чистота и точность русского языка в этой поэзии таковы, что можем говорить об этой поэтессе как об открытии для нас. В чем-то ее стихи близки стихам Анны Ахматовой или Марии Петровых, но это не просто поэтологическая близость, не просто близость через историческое время, но родственность через преодоление судьбы посредством творчества. Явлен здесь и русский национальный стержень, не сломленный войнами и скитаниями, не погашенный чужой речью...

Вячеслав Куприянов – Москва, 1989

ISBN 3-92 7788-00-7